
АЛЕКСАНДР А.
ХРОНИКИ ВЕЛИКОГО ФИЛЬТРА
ПЕПЕЛ ЭДЕМА

Александр А.

Хроники великого фильтра. Книга первая. Пепел Эдема

«Автор»
2026

А. А.

Хроники великого фильтра. Книга первая. Пепел Эдема / А. А. — «Автор», 2026

«В космосе нет воздуха. Там радиация, холод и камень. Но мы не будем менять свои легкие под камень — мы заставим камень давать нам воздух». 2078 год. Земля задыхается под куполом смога, а в мегаполисах свирепствует «серая сыпь» — фиброз, превращающий легкие в камень. Единственной надеждой миллионов становятся гуманитарные квоты корпорации T-Orbital.

Но когда на Луне происходит сбой, а в карантинном секторе 9 Чунцина вскрывается правда об эпидемии, майор Илья Воронов, инженер Артур Вэнс и уполномоченный Артем Лебедев понимают: никакого «Нового Эдема» нет. Корпорация запустила протокол «Гайя-Ноль» — принудительную перестройку генома человека для прохождения Великого Фильтра. У героев остаются считанные часы, чтобы расконсервировать забытую советскую базу «Луна-28», остановить орбитальный сброс аэрозоля над Землей и повести фрегат «Ковчег-1» сквозь бури долины Маринер — туда, где под куполами Марса двенадцать тысяч колонистов уже вживлены в единый кремнийорганический улей.

© А. А., 2026
© Автор, 2026

Александр А.
Хроники великого фильтра.
Книга первая. Пепел Эдема

Глава 1

АКТ I. БУТЫЛОЧНОЕ ГОРЛЫШКО

ГЛАВА 1. ПЫЛЬ В СЕКТОРЕ «БРАВО-4»

Луна, окраина Моря Спокойствия. Стартовый комплекс масс-драйвера корпорации T-Orbital.

Ноябрь 2078 года

Реголитовая пыль не оседала. В жестком техническом вакууме сектора «Браво-4» не существовало ни сквозняков, ни конвекционных потоков, способных прижать к полу взвесь перемолотого базальта и титановой окалины. Миллионы микроскопических граней — острых, как колотое стекло, не знавших ни ветра, ни водной эрозии за четыре миллиарда лет — висели в пустоте рваным, искрящимся саваном, пока узкий конус нашлемного фонаря майора Ильи Воронова не вспорол серую мглу.

Звука взрыва не было. Космос вообще не любил театральных эффектов — он убивал в абсолютной, ватной глухоте. Кумулятивный заряд пластита на основе гексогена и фторированного окислителя отработал без грохота: только глухой, дробящий кости инфразвуковой толчок прошел через многослойные подошвы магнитных ботинок, отозвавшись тупой ломотой в коленных суставах и старых спайках позвоночника. Секунду назад перед Вороновым стоял бронированный шлюзовой створ внешнего периметра корпорации T-Orbital — три дюйма композитной стали с горделивым черным логотипом орбитального кольца. Теперь переборка вывернулась наружу рваными, оплавленными по краям лепестками жести, обнажая бетонированный технический колодец главной разгонной катапульты.

Внутри шлема тяжелого штурмового скафандра «Беркут-М» пахло подогретым фреоном, резиновым уплотнителем, медным привкусом регенерированного кислорода и собственным холодным потом. Этот запах Илья знал лучше, чем запах земной листвы или дождя. Семь лет добровольного лунного изгнания вытравили из памяти почти все полутона, оставив только базовую телеметрию выживания: давление в контуре, остаток смеси в баллонах да сухой счетчик секунд в левом верхнем углу поляризованного визора.

Под левой ключицей, прижатый нательным термобельем прямо к ребрам, кольнул острым уголком старый полимерный жетон. Стертая от тысяч прикосновений голограмма восьмилетней девочки с темными косичками. Кира.

Воронов прикрыл веки на долю секунды, загоняя фантомный образ обратно в черную шахту памяти, куда не должен был проникать свет. Не сейчас. Начнешь слушать детские голоса из сгоревшего новосибирского бокса посреди штурма — останешься лежать в этом реголите безымянным куском замороженного мяса.

В наушниках зашипела глухая, закрытая квантовым скремблером волна.

— «Гранит», до контакта сорок две секунды, — голос связного из объединенного координационного центра в Пекине звучал ровно, почти механически, но сквозь треск солнечной статики прорывалось напряжение человека, следящего за чужой смертью через спутниковый ретранслятор. — Орбитальный радар «Апекса» зафиксировал просадку напряжения на третьей фазе ограждения. Ты разбудил улей, майор. С дежурной платформы T-Orbital уже сорвались два перехватчика внутренней безопасности. Идут на форсаже маневровых. Если не снимешь полный дамп с квантового узла до их стыковки с галереей, автоматика уведет всю ветку катапульты в аварийный локдаун. Второй попытки Москва и Пекин нам не дадут.

— Работаю, — коротко отрезал Воронов. Голос в замкнутом объеме шлема прозвучал глухо и чуждо. — Оптику с восточного сектора уберите. Если меня прижмут, ретранслятор сжечь по протоколу «Туман».

Он шагнул сквозь дымящийся пролом, мягко компенсируя лунную гравитацию — одну шестую от земной — коротким, выверенным до миллисекунды плевком наспинных микродвигателей холодного газа.

На нем не было никаких опознавательных знаков. С темно-серого матового кевлара «Беркута» еще вчера на секретной подбазе за кратером Менелай содрали все шевроны Военно-космических сил, заводские клейма тульского завода выжгли кислотой, а индивидуальный лазерный номер на титановом шейном кольце затерли серой вольфрамовой термопастой. В магазинах малокалиберного кинетического карабина сидели безгильзовые патроны сингапурской штамповки — стандартный черный рынок пояса астероидов. Если сегодня корпоративная охрана прострелит ему визор, в утренних сводках новостей от Женевы до Шанхая напишут про очередного спятившего от радиационного психоза наемника из лунного профсоюза шахтеров, пытавшегося подорвать монополию T-Orbital на доставку грузов к Марсу. Родина спишет его без некролога. Илью этот расклад устраивал полностью. Мертвецам ордена не нужны, а живым он себя не числил с октября две тысячи семьдесят первого.

Переступая через искореженный порог гермодвери, Воронов опустил луч фонаря вниз и на миг задержал шаг.

Поперек кабельного желоба лежало тело. Младший техник-контрактник из наружного обхода T-Orbital в легком оранжевом скафандре третьей категории защиты. Кумулятивная волна от подрыва шлюза швырнула парня на арматуру: лицевой поликарбонатный щиток треснул по диагонали, разлетевшись осколками, и вакуум мгновенно сделал свою работу. Бедняга задохнулся и замерз за считанные секунды. Вода в тканях лица вскипела от падения давления, превратив кожу в покрытую ледяным инеем серую маску с выкатившимися, остекленевшими глазами.

Но Воронова, видевшего десятки взрывных декомпрессий, заставило насторожиться другое.

Поза трупа была неправильной. Пальцы контрактника в тонких монтажных перчатках были неестественно, до вывиха суставов скрючены, словно перед смертью он пытался разодрать собственный воротник не от нехватки воздуха, а от внутреннего удушья. А ниже разорванного шейного манжета, под полупрозрачной, высохшей на морозе кожей ключиц и сонной артерии, бугрились толстые, с палец толщиной, черные узлы. Это не были вздувшиеся от вакуума кровеносные сосуды. Вены переплетались в жесткую, геометрически правильную кристаллическую сетку, отливающую в свете диодов тусклым графитовым глянцем, а из уголка замерзшего рта вместо розовой ледяной пены торчал сгусток вязкой, застывшей серой слизи.

«Земная дрянь добралась и сюда», — с холодным отвращением подумал Илья, перешагивая через мертвеца.

Он видел такие узлы полгода назад в закрытых медицинских сводках разведки из карантинных секторов Чунцина, Калькутты и Джакарты. «Серая сыпь» — мутагенный легочный фиброз нижних ярусов, чума перенаселенных мегаполисов, где люди дышали смесью сернистого ангидрида и формальдегидной гари. Официально считалось, что T-Orbital держит на своих объектах абсолютный генетический стерилитет, отсеивая малейшие признаки легочной патологии еще на дальних подступах к орбитальным лифтам Кито и Сингапура. Но голод и страх смерти ломали любые кордоны: отчаявшиеся люди из земных трущоб продавали синдикатам почки, роговицы и будущее своих детей ради фальшивого сертификата чистоты крови, дозы антирадиационного коктейля и шанса забиться в грузовой трюм лунного парома.

Только вот откуда у штатного обходчика главной разгонной катапульты терминальная стадия трущобной чумы? И почему его не списали в утилизатор при первом же утреннем проходе через биометрическую рамку шлюза?

Воронов не стал тратить драгоценные секунды на осмотр. Время утекало сквозь пальцы быстрее жидкого гелия. Он вскинул карабин к плечу и скользнул в главную галерею масс-драйвера.

* * *

Внутри тоннеля разгонной линии царило индустриальное величие, от которого у неподготовленного человека перехватывало дыхание даже в герметичном скафандре.

Галерея уходила вглубь базальтового щита Луны на шесть километров — идеально прямая, выгрызенная проходческими плазмотронами подземная магистраль диаметром в тридцать метров. По центру желоба, зажатый в титановые лапы массивных криогенных статоров, тянулся главный сверхпроводящий рельс из ниобий-оловянного сплава. Он не издавал звука в вакууме, но через магнитные подошвы ботинок Воронов чувствовал его колоссальную, просыпающуюся мощь: низкую, утробную вибрацию, от которой начинала мелко дрожать пломба в коренном зубе и рябила тактическая сетка на стекле шлема.

Вдоль ребристых сводов тоннеля, уходя в бесконечную перспективу к выходному жерлу кратера, ритмично бились аварийные стробоскобы: янтарный, мертвенно-белый, снова янтарный. Каждый импульс света выхватывал из черноты гигантские кольца магнитных ловушек, похожие на ребра доисторического стального кита, в чьем чреве люди решили построить пращу для покорения чужих миров.

Именно этот шестикилометровый рельс сделал совет директоров T-Orbital некоронованными богами Солнечной системы. Пока Россия, Китай и остатки европейского агентства по старинке жгли сотни тонн драгоценного метана и жидкого кислорода, с надрывом выталкивая свои неуклюжие модули из гравитационного колодца, корпорация просто впрягла в упряжку чистый электромагнетизм и солнечную энергию лунных полей. Выстрел трехтысячетонной грузовой баржи к Марсу стоил здесь дешевле, чем заправка одного стратосферного перехватчика на Земле. Кто владел рельсом в секторе «Браво-4», тот держал руку на горле будущей марсианской цивилизации. И сейчас пальцы на этом горле сжимались.

В ста метрах впереди, на сервисной площадке шестого пилона управления направляющими магнитами, метался одинокий силуэт.

Воронов мгновенно припал за массивную чугунную тумбу компенсатора, ведя цель перекрестьем коллиматора. Нет. Не боевик внутренней охраны. И не диверсант.

На спине белого корпоративного скафандра серии «Орион-Лайт» ярко фосфоресцировала широкая синяя полоса — маркировка высшей технической инспекции. Человек у консоли двигался порывисто, угловато, как гражданский специалист, попавший в эпицентр промышленной катастрофы: он то лихорадочно вбивал команды в клавиатуру наручного терминала, то срывал защитные кожухи с распределительного щита, пытаясь напрямую вогнать толстый диагностический кабель в искрящую шину высокого напряжения.

Для Артура Вэнса, главного инспектора надежности несущих систем лунного хаба T-Orbital, последние двенадцать минут превратились в вязкий, удушливый кошмар, из которого не было правильного выхода.

Внутри его шлема не было холодной военной выдержки русского разведчика — там метался в панике человек, чей упорядоченный мир из графиков сопротивления материалов, квартальных бонусов и безупречных корпоративных протоколов рухнул в одночасье. Сердце Вэнса колотилось где-то в районе горла с частотой сто сорок ударов в минуту, медицинский датчик костюма противно пищал в левом ухе, требуя принять седативный стимулятор, а стекло визора изнутри затягивало теплой, липкой испариной от его собственного прерывистого дыхания.

На экране сервисной консоли перед ним, издевательски мигая алым цветом, висела диаграмма тензодатчиков шестого разгонного кольца.

Магнитный замок удержания каретки — многотонный узел из редкоземельных сверхпроводников, принимающий на себя пиковый удар при переходе челнока через барьер в шесть махов, — имел внутреннюю структурную трещину глубиной в восемнадцать миллиметров. Вэнс обнаружил ее еще вчера вечером во время планового ультразвукового сканирования. По всем писаным и неписаным законам космонавтики это означало немедленную остановку линии, сброс тока со статоров и три недели капитального ремонта.

Он отправил рапорт с кодом «Красный-Один» напрямую в диспетчерскую орбитальной станции «Апекс» полчаса назад. Он ждал благодарности за предотвращенную катастрофу. Вместо этого с орбиты пришел сухой трехзначный код за личной цифровой печатью председателя Филипа Торна: «Регламент безопасности аннулирован. Приоритет груза — Омега. Произвести пуск спецрейса 88 в штатном окне. Доступ инспектора Вэнса к системе аннулирован».

А когда Артур, не веря своим глазам, спустился в технический тоннель лично, чтобы вручную разомкнуть механический предохранитель на шестом пилоне, автоматика шлюза за его спиной просто заблокировала двери. Его не забыли внизу. Его списали в расход вместе с треснувшим замком.

— Давай же, черт тебя дери, прими обходной код! — хрипел Вэнс в пустоту собственного шлема, сбивая в кровь подушечки пальцев внутри тесных герметичных перчаток о сенсорную панель. — Вы же положили в трюм три тысячи контейнеров с моей маркировкой! Там стоят клапаны «Вэнс-Тек 4»! Если замок сорвет на второй космической, каретка пропорет обшивку трюма, как консервный нож!

Перед глазами Артура, перекрывая бегущие строчки шестнадцатеричного кода ошибки, вдруг всплыла картинка трехлетней давности. Чистый, залитый мягким искусственным солнцем медицинский павильон в альпийском куполе Цюриха. Его мать, сидящая в плетеном кресле у панорамного окна с видом на мертвые, серые от копоти ледники за бронестеклом, с тонкой прозрачной канюлей чистого кислорода в носу. Первая зима за десять лет, когда она перестала задыхаться по ночам от эмфиземы.

Пятьсот тысяч корпоративных кредитов на закрытый счет и бессрочная семейная квота в зеленой зоне Швейцарии.

Именно столько стоило его молчание в марте две тысячи семьдесят пятого, когда он подписывал акт приемки дренажных клапанов «Вэнс-Тек 4» для закрытой серии транспортных цистерн спецрейса 88. Тогда молодой, амбициозный ведущий инженер Вэнс заметил в тестовых прогонах странную, пугающую аномалию: система жизнеобеспечения контейнеров, официально заявленных как «криокапсулы глубокого метаболического сна для тяжелобольных переселенцев», потребляла в двенадцать раз больше соединений кремния, дейтерия и тяжелых солей, чем могло выдержать любое человеческое тело, а температурный график внутри баков напоминал не криосон, а раскаленный биореактор, в котором заживо переваривают органику и строят поверх нее что-то чужое.

Он задал тогда всего один вопрос на закрытой технической комиссии. Ему не стали угрожать. Ему просто молча положили на стол банковский чип и медицинскую карту матери с красным штампом на выселение в карантинный барак Детройта в случае расторжения контракта. И Артур Вэнс подписал чертежи. Убедил себя, что он просто механик, что его дело — давление в трубках и герметичность прокладок, а что именно корпорация заливает в эти баки под видом очищенного гидрогеля и донорской плазмы — проблема биологов и господа бога.

И вот теперь счет за ту сделку пришел к оплате прямо здесь, на шестом километре лунного базальта.

Боковая аварийная гермодверь сервисного перехода в тридцати метрах от консоли вдруг содрогнулась от удара магнитного тарана и со скрежетом, осыпая сноп искр, слетела с петель.

Вэнс резко обернулся, прижимаясь спиной к вибрирующей стойке терминала.

* * *

В тоннель из бокового шлюза ворвались двое.

Черная матовая композитная броня без единой светящейся детали, граненые шлемы с глухими панорамными забралами, за которыми не было видно лиц — только тусклое багровое свечение мультиспектральных матриц. Внутренняя служба безопасности T-Orbital, дивизион зачистки «Эгида».

На плечевых сервоприводах штурмовиков коротко, синхронно блеснули сдвоенные рубиновые точки лазерных целеуказателей. Они не выходили на открытую частоту. Не требовали поднять руки или предъявить жетон допуска. В закрытых протоколах корпорации человек, оказавшийся у разбитого магнитного узла за минуту до старта груза категории «Омега», уже не числился сотрудником — он был технической помехой, подлежащей немедленной стерилизации.

Красная точка целеуказателя скользнула по белому нагруднику Вэнса и замерла точно на переносице его запотевшего визора. Артур зажмурился, вжимая голову в плечи и чувствуя, как ледяной спазм скручивает внутренности.

Но выстрела не последовало.

Из густой тени за чугунной тумбой статора, в сорока метрах позади инспектора, беззвучно поднялась серая угловатая тень в тяжелом скафандре без шевронов.

Воронов вскинул кинетический карабин одним слитным, отточенным до мышечного автоматизма движением. Приклад мягко лег в магнитный паз наплечника; гироскопические компенсаторы «Беркута» мгновенно погасили отдачу в условиях лунной невесомости.

Две короткие, абсолютно беззвучные вспышки дульного тормоза в вакууме.

Бронебойные пули калибра 5,56 с сердечниками из обедненного вольфрама и начальной скоростью две тысячи метров в секунду пришли в цель раньше, чем автоматика костюма корпоративного безопасника успела зафиксировать угрозу. Первая пуля прошила многослойный кевлар точно в стык под ключицей, вторая раздробила узел шейного кольца.

Охранника в черной броне резко подбросило и развернуло в слабом тяготении; из пробитой сонной артерии и разорванного шланга гидрокостюма в пустоту ударил густой, темный фонтан, который за долю секунды вскипел и рассыпался в свете янтарных стробоскопов облаком мелких, звенящих о металл кристаллов багрового льда. Безжизненное тело медленно поплыло к сверхпроводящей шине и с сухим электрическим разрядом примагнитилось к стальному кожуху.

Второй оперативник «Эгиды» среагировал со звериной быстротой ветерана абордажных схваток. Не тратя времени на выцеливание, он рухнул на одно колено, одновременно включая наспинный прижимной двигатель, и полоснул веером из тяжелого автоматического дробовика с барабанным питанием.

Рой вольфрамовой картечи ударил по направляющему рельсу и стойкам консоли прямо перед лицом замершего Вэнса. Миллионы ослепительных белых искр брызнули во все стороны; рикошет срезал бронированный кожух терминала и с сухим звоном отсек внешнюю штыревую антенну дальней связи на правом плече Воронова.

В наушниках майора шифрованный канал с Пекином мгновенно захлебнулся плотным, ревущим белым шумом. Все. Теперь он был на этой проклятой Луне совсем один.

Воронов не стал перезаряжать карабин или прятаться за статор — в узкой кишке тоннеля против картечи позиционная оборона равнялась смерти. Он дал полный импульс сдвоенным ранцем маневровых двигателей.

Струя сжатого азота выбросила 180-килограммовую массу майора в скафандре вперед, как пушечное ядро, параллельно бетонному настилу. Пролетев двадцать метров за две секунды, Воронов на полном ходу врезался левым бронированным наплечником прямо в грудь перезаряжающего дробовик штурмовика.

Удар двух композитных панцирей отозвался глухим костяным гулом через соприкосновение шлемов. Корпоративного боевика сорвало с магнитных захватов и со страшной силой впечатало спиной в титановую опору кабельного коллектора; бетон за опорой пошел глубокими трещинами. Охранник попытался перехватить руку Воронова, активируя встроенный в запястье плазменный резак, но Илья оказался быстрее на полтакта.

Короткий, скупой замах правой рукой. Высокочастотный вибронож из закаленной инструментальной стали со свистом вошел снизу вверх точно в мягкое сочленение под подбородком штурмовика, пробивая кевларовый подворотник и перерезая спинной мозг у основания черепа.

Черная бронированная фигура конвульсивно дернулась, роняя тяжелый дробовик на реголитовую крошку, и грузно осела вдоль стены, оставляя на титане быстро замерзающий темный след.

Воронов тяжело дышал, сбрасывая остаточный адреналин. В левом плече, принявшем на себя таранный удар, неприятно стрельнуло, но контур держал герметичность. Выдернув клинок и не убирая его в ножны, майор резко развернулся на каблуках и вскинул ствол карабина, упирая лазерную точку прямо в грудь распластавшегося у консоли инспектора.

Сквозь поляризованный визор инженера было видно мертвенно-бледное, залитое потом, искаженное животным ужасом лицо тридцативосьмилетнего мужчины с расширенными во всю радужку зрачками. На груди белого скафандра, прямо под лучом прицела, четко читалась выбитая лазером идентификационная плашка: «А. ВЭНС. ГЛАВНЫЙ ИНСПЕКТОР НАДЕЖНОСТИ НЕСУЩИХ СИСТЕМ. ДОПУСК А-2».

— Руки от терминала, — глухо и раздельно произнес Воронов, принудительно пробивая частоту открытого канала ближней связи на пятиметровом радиусе. — На шаг от стойки, ладони на виду. Дернешься к аварийному маяку — проделаю дыру в фильтрах.

Инспектор судорожно сглотнул. Он медленно, словно преодолевая сопротивление густой воды, поднял дрожащие ладони в толстых серых перчатках на уровень плеч, но не отступил ни на дюйм. Вместо этого он отчаянно мотнул головой в сторону разбитого монитора, где алая синусоида напряжения на шестом секторе билась в предынфарктной лихорадке, а цифровой таймер в углу неумолимо отщелкивал секунды: 00:41… 00:40… 00:39…

— Стреляй, если ты такой же идиот, как они! — голос Вэнса в динамике ближней связи срывался на звонкий, истерический фальцет человека, которому уже нечего терять. — Но если ты сейчас выдернешь этот чертов накопитель или отойдешь от пульта… через тридцать восемь секунд из предстартового накопителя выйдет беспилотный челнок! Три тысячи тонн сухого веса! Три тысячи герметичных контейнеров с донорской плазмой и очищенным гидрогелем для колонии «Новый Эдем» на Марсе!

— И что мне до вашей корпоративной баржи, инженер? — Воронов не опустил ствола ни на миллиметр, хотя боковым зрением уже считывал кривую накачки на экране терминала. — Пусть летит. Мне нужен только дамп квантового буфера.

— Да никуда он не улетит, кретин! — заорал Вэнс, и в его глазах мелькнула такая отчаянная, неприкрытая правда, что палец майора на спусковом крючке замер. — Магнитный замок удержания каретки на этом кольце разбит! Трещина в восемнадцать миллиметров по живому ниобию! Я доложил наверх еще вчера, но совет директоров на «Апексе» отменил регламент и заблокировал шлюзы вместе со мной! Они прожигают линию напролом!

Воронов быстро перевел взгляд с перекошенного лица американца на пульсирующую схему шестого пилона. На экране в реальном времени росла дуга паразитной индукции — сверхпроводник терял геометрию поля.

— Когда челнок пройдет эту точку на скорости восемь махов, магнитная подушка схлопнется! — Вэнс почти плакал от бессилия и ярости, тыча перчаткой в красную диаграмму. — Пятитысячетонная туша на второй космической скорости врежется в направляющий рельс! Он

не просто взорвется в тоннеле, понимаешь ты или нет?! Кинетический удар вывернет базальтовый свод кратера наизнанку! Он срежет половину жилых куполов нашей базы в «Тихо-Сити», а веер раскаленной шрапнели по баллистической дуге накроет ваши русские и китайские модули в восточном секторе! Через сорок секунд нас всех тут сметет к чертовой матери!

Низкая вибрация под их подошвами вдруг сменилась тяжелым, нарастающим утробным гулом, от которого с потолка галереи посыпалась вековая каменная крошка.

В глубине тоннеля, за три километра от шестого пилона, разомкнулись предстартовые шлюзы накопителя. Масс-драйвер вышел на финальный цикл накачки.

На таймере мигнуло: 00:29.

В дальнем конце галереи, со стороны центрального хаба корпорации, вспыхнул слепящий прожектор и распахнулся широкий технический люк — на зачистку сектора выходила тяжелая штурмовая группа «Эгиды» со станковыми плазменными излучателями.

Воронов посмотрел на бегущие цифры, затем в расширенные зрачки инженера Вэнса и резко опустил ствол карабина вниз.

— Показывай, где у этой твари физический размыкатель фаз, — жестко бросил русский майор, срывая с набедренного крепления тяжелый армейский дешифратор ГРУ. — Живо, инженер. У нас двадцать восемь секунд, чтобы отменить конец света.

Глава 2

ГЛАВА 2. СБОЙ ФАЗЫ

Луна, разгонный тоннель сектора «Браво-4» — кромка Моря Спокойствия. Двадцать восемь секунд до старта спецрейса 88

Вибрация под магнитными подошвами перестала быть просто колебанием камня — она превратилась в физически осязаемое давление, выжимающее воздух из легких. Сверхпроводящие катушки шестого сектора масс-драйвера входили в режим пиковой накачки. Мелкая реголитовая крошка, занесенная в галерею через взорванный шлюз, вдруг оторвалась от бетонного настила и замерла в полуметре над полом, выстраиваясь вдоль невидимых силовых линий чудовищного магнитного поля, словно железные опилки вокруг полюса исполинского магнита.

На стальных переборках заплясали голубые огни святого Эльма — коронные разряды стекали по кевларовым наплечникам Воронова и белому пластику костюма Вэнса, заставляя аварийную телеметрию обоих скафандров захлебываться тревожным писком.

— Двадцать шесть секунд! — голос Вэнса в ближнем радиоканале звенел от запредельного напряжения. Инженер лихорадочно сдирал оплавленный картечью защитный кожух с сервисного порта консоли. — Орбитальный центр на «Апексе» перевел линию на резервный контур! Они видят по датчикам, что первая двойка «Эгиды» мертва, и заблокировали ручной сброс! Они просто прожигают магистраль напролом!

Воронов перехватил карабин левой рукой, а правой впечатал бронированную перчатку в шейное кольцо Вэнса, пригибая голову инженера ниже уровня чугунной тумбы статора.

Вовремя.

В дальнем конце галереи, за сто пятьдесят метров от шестого пилона, из распахнутого технического люка вывалилась тяжелая штурмовая тройка корпоративного спецназа. Это были уже не патрульные обходчики — на массивных экзоскелетах оперативников были смонтированы станковые индукционно-плазменные излучатели с ранцевым питанием.

В абсолютном безмолвии вакуума по сводам тоннеля полоснули ослепительные фиолетово-белые росчерки.

Сгусток перегретой плазмы, удерживаемый магнитным тороидом, ударил в титановую опору в полуметре над головой Воронова. Легированный металл толщиной в ладонь даже не дал осколков — он мгновенно вздулся ослепительным белым пузырем и потек вниз крупными, медленно падающими при лунной гравитации каплями жидкого шлака. Прожженный металл упал на кабель заземления, вызывая каскад коротких замыканий.

Второй заряд прошел вскользь по внешнему краю тумбы, за которой они укрывались. Тепловой импульс инфракрасного излучения был такой чудовищной силы, что внешнее поляризованное напыление на визоре Воронова пошло радужными пятнами, а датчик внешней температуры на левом наруче мгновенно прыгнул с минус ста двадцати до плюс четырехсот градусов.

— Не высовывайся! — рявкнул Воронов. — Сваришься в собственном соку раньше, чем лопнет стекло! Ты сказал, замок разбит. Где физический размыкатель фаз этого сектора?!

— Здесь, под главным шунтом шестого пилона! — Вэнс задыхался, хватая ртом перегретый воздух внутри своего «Ориона». Его пальцы в толстых перчатках скользили по оплавленному металлу распределительного щита. — Но программный шлюз закрыт! Если я просто перерублю кабель питания без рассогласования синусоиды, магнитная подушка схлопнется асимметрично! Каретка челнока на скорости восемь махов клюнет носом в нижний рельс — и мы получим тот же самый кинетический взрыв прямо под нашими ногами! Нужно сбить фазу хотя бы на четыре градуса, чтобы автоматика увела баржу по параболе вверх, в отстрел!

— А твой терминал?!

— На нем слетел допуск! Совет директоров отозвал мой личный сертификат десять минут назад!

Воронов бросил быстрый взгляд за кромку статора. Тройка штурмовиков «Эгиды» шла вперед четким уступом, не спеша, прижимаясь магнитными подошвами к настилу и методично отсекая сектор за сектором перекрестным плазменным огнем. Укрыться за тумбой надолго было нельзя — еще два залпа, и раскаленный чугун просто поплывет, похоронив их под слоем жидкого железа. До подхода челнока из глубины разгонной шахты оставалось девятнадцать секунд.

Взгляд майора скользнул вверх, под самый свод галереи.

Там, вдоль ребристых тюбингов криогенного контура, тянулась толстая, одетая в ячеистую теплоизоляцию магистральная труба с синей маркировкой и предупреждающими трафаретами: «ЖИДКИЙ АЗОТ. КОНТУР ОХЛАЖДЕНИЯ СТАТОРОВ. 220 АТМ».

Решение пришло мгновенно — холодная, безжалостная геометрия боя, которой его учили в закрытых центрах подготовки под Солнечногорском и оттачивали годами нелегальных выходов.

— Держись за анкерную скобу, инженер, — глухо бросил Воронов, срывая с грудной разгрузки две тяжелые магнитные мины с кумулятивно-направленным ударным ядром. — И не вздумай смотреть на вспышку.

Майор выставил таймер первой мины на две секунды, резко качнулся корпусом из-за укрытия и длинным, выверенным при низкой гравитации броском швырнул тяжелый диск вверх и вперед — точно под брюхо азотной магистрали, в тридцати метрах перед наступающей цепью штурмовиков.

* * *

Передовой боевик «Эгиды» заметил летящий предмет. Он инстинктивно вскинул ствол плазменного излучателя вверх, но было уже поздно.

Кумулятивное ядро ударило в криогенную трубу в упор.

Беззвучный в вакууме разрыв ощутился как резкий скачок статического поля. Трехслойную легированную сталь магистрали вывернуло розочкой, и из пробоины под давлением в двести двадцать атмосфер в пустоту тоннеля ударил ревущий белый гейзер жидкого азота.

Физика космоса сработала мгновенно и беспощадно. Встретившись с абсолютным вакуумом, струя сверхнизкотемпературной жидкости вскипела и расширилась в тысячи раз, за долю секунды превратившись в непроглядный, клубящийся буран из миллиардов острых кристаллов азотного снега и ледяного тумана.

Галерею от свода до пола перегородила плотная, слепящая белая стена.

Штурмовики T-Orbital выпустили очередную серию плазменных сгустков вслепую, по старым прицельным меткам, но перегретая плазма, врезаясь в плотную завесу азотного льда, теряла магнитную фокусировку. Сгустки детонировали прямо внутри ледяного облака беззвучными фиолетовыми зарницами, испаряя азот и превращая середину тоннеля в бушующий котел из ионизированного газа и криогенной метели, сквозь который слепли и тепловизоры, и лазерные дальномеры.

Выиграв десять драгоценных секунд, Воронов отстегнул от набедренного крепления армейский дешифратор ГРУ — увесистый, угловатый моноблок в фрезерованном корпусе из титан-ванадиевого сплава с выбитым на торце серийным номером и тусклым рубиновым индикатором квантового ядра.

Он с силой, до хруста сминаемых заводских пломб, вогнал универсальный игольчатый разъем дешифратора прямо в разорванный сервисный порт консоли Вэнса.

— Твой допуск больше не нужен! — крикнул Воронов, перекрывая гул вибрирующего под ногами рельса. — Мой блок сейчас выжжет их криптошлюз на физическом уровне! Как

только увидишь зеленую строку обхода — вбивай вручную аварийный протокол расхождения фаз!

Экран корпоративного терминала яростно замигал. Строгие, вылизанные графические интерфейсы T-Orbital пошли черными трещинами: в закрытый проприетарный код станции, ломая каскадные брандмауэры грубой вычислительной мощью военных алгоритмов, вгрызались угловатые зеленые столбцы кириллицы.

Вэнс во все глаза смотрел на бегущие строчки:

«ОБХОД КОНТУРА АУТЕНТИФИКАЦИИ… УСПЕШНО. БЛОКИРОВКА ОРБИТАЛЬНОГО УЗЛА АПЕКС… СНЯТА. ПРЯМОЙ ДОСТУП К ШИНЕ ПИЛОНА 6: ОТКРЫТ».

— Господи боже… — выдохнул американец. — Что это за штука?! Это же военный взломщик первого класса! Если я сейчас подам встречный импульс через ваш протокол на полной накачке, оно же намертво спалит всю управляющую подстанцию сектора «Браво»! Линия встанет на полгода!

— Если ты этого не сделаешь, через двенадцать секунд эта линия похоронит под собой полторы тысячи человек в жилых модулях! — Воронов схватил Вэнса за плечо и силой развернул лицом к сенсорной клавиатуре. — Это уведет челнок на баллистический сброс поверх кромки кратера, в пустоту Моря Спокойствия, а не в купола базы! Вбивай углы, инженер! Быстро!

Пальцы Вэнса — человека, который всю жизнь боялся нарушить даже параграф должностной инструкции, — вдруг перестали дрожать. Внутри него словно лопнула какая-то ржавая пружина, сдерживавшая годы унизительного страха за мамину квоту и собственную шкуру. Он больше не думал ни о трибунале корпорации, ни о счетах в Цюрихе. Перед ним была инженерная задача: увести трехтысячетонный снаряд с траектории жилых куполов.

Его перчатки с отчаянной, яростной быстротой забарабанили по аварийным регистрам, вручную переписывая азимутальные поправки магнитных ловушек с шестого по двенадцатый сектор.

В этот миг белая стена азотного тумана в двадцати метрах перед ними разорвалась.

Сквозь клубы оседающего криогенного инея, включив на полную тягу ранцевые ускорители, вылетели двое уцелевших штурмовиков «Эгиды». Их черная броня дымилась от сверхнизкой температуры, покрытая белесой изморозью, а тяжелые плазменные излучатели были отброшены — на такой дистанции в узком пространстве боевики перешли на штурмовые крупнокалиберные дробовики и ручные гранатометы.

Первый оперативник шел по пологой дуге в метре над полом, вскидывая ствол прямо в спину склонившегося над пультом Вэнса.

У Воронова в магазине карабина оставалось три патрона — слишком мало, чтобы гарантированно пробить лобовую броню тяжелого экзоскелета на встречном курсе.

Илья не стал стрелять.

Он выдернул из подсумка вторую магнитную мину, большим пальцем вдавил кнопку мгновенного контактного взрывателя и, включив собственные наспинные двигатели на предельную перегрузку, выбросил свое тело навстречу летящему штурмовику.

Они столкнулись в воздухе в десяти метрах от консоли.

Выстрел корпоративного дробовика прошел в сантиметре от бедра Воронова, выбив веер бетонной крошки из стены. В ту же долю секунды русский майор в прыжке с разворота с чудовищной силой впечатал магнитную подошву своего правого ботинка — вместе с зажатой под ней миной — прямо в плоский композитный нагрудник штурмовика.

Магнитный захват мины намертво прикипел к грудной пластине экзоскелета.

Используя инерцию столкновения и всю мощь гидравлики ног «Беркута», Воронов как от трамплина оттолкнулся обеими стопами от груди ошеломленного противника. Закон сохранения импульса в лунном тяготении сработал безупречно: майора швырнуло назад, за спа-

сительный выступ чугунного статора, а тяжелую фигуру боевика «Эгиды» с прилепленной к груди миной отбросило обратно в гущу азотного тумана — прямо на грудь набегающего следом напарника.

Секундная задержка взрывателя истекла.

Вспышка направленного кумулятивного заряда беззвучно разорвала ледяную мглу ослепительным багрово-желтым шаром. Ударная волна газов и осколков в замкнутом объеме тоннеля разнесла первого штурмовика пополам, а второго с такой силой швырнула о ребристый свод криогенного коллектора, что титановые дуги его экзоскелета сложились внутрь, как сухой тростник.

Воронов с глухим стуком рухнул спиной на бетонный настил у самых ног Вэнса, гася инерцию скрежетом магнитных захватов.

Над их головами, на разбитом мониторе консоли, алые цифры обратного отсчета сменились сплошным пульсирующим предупреждением:

«00:03… 00:02… ВНИМАНИЕ! ПРОХОЖДЕНИЕ КАРЕТКИ!»

— Фазы сбиты на четыре целых и две десятых градуса! — закричал Вэнс, падая на колени рядом с Вороновым и намертво пристегивая страховочный карабин своего пояса к стальной анкерной проушине в полу. — Аварийный сброс принят шиной! Ложись, майор, сейчас придет волна!

* * *

В тоннеле масс-драйвера разом погасли все аварийные стробоскобы — вся свободная энергия лунного сектора ушла в последний, разгонный импульс статоров.

На одну бесконечную секунду наступила абсолютная, первобытная тьма, подсвеченная лишь синим мерцанием экрана дешифратора.

А затем из глубины шестикилометровой шахты на них обрушилось само движение.

Это не было похоже на проход поезда или взлет ракеты. В вакууме не было воздушной подушки, которая предупреждала бы ревом о приближении гиганта. Мимо шестого пилона на скорости два с половиной километра в секунду просто пронеслась черная, монолитная гора металла — стометровая веретенообразная туша беспилотного грузового транспорта «Спецрейс 88».

Ни звука турбин. Ни пламени дюз. Только чудовищное, сминающее пространство возмущение электромагнитного поля и гравитационная судорога базальтового фундамента.

От каждого болта на переборках, от бронеплит статоров и ствола карабина Воронова к летящему корпусу корабля протянулись ослепительные полуметровые плети фиолетовых статических молний. Индукционный удар был такой колоссальной мощи, что Воронова, несмотря на включенные электромагниты ботинок, оторвало от настила на полметра и со всей силы приложило затылком шлема о чугунную опору пилона. В глазах взметнулся сноп колючих багровых искр, все экраны «Беркута» погасли, уходя в жесткую перезагрузку, а во рту разлился густой, солоноватый вкус крови от прикушенного языка.

Но главное произошло в двухстах метрах впереди — там, где подземная галерея открывалась выходным раструбом на внешнем склоне кратера.

Сбитая руками Вэнса и русским дешифратором фаза магнитной ловушки сработала ровно так, как рассчитывал инженер. На переходе через поврежденный узел шеститысячетонная магнитная каретка потеряла центровку. Вместо того чтобы полностью разрушить замок и вогнать челнок носом в базальтовый пол тоннеля, асимметричное поле чудовищным пинком подбросило корму корабля вверх и влево.

Сквозь клубы азотного тумана Воронов увидел апокалиптическую картину.

Правый борт исполинской баржи на второй космической скорости чиркнул по верхнему направляющему рельсу выходного жерла. Трение металла о металл на такой скорости мгновенно превратило тридцать метров ниобий-оловянной шины в ослепительное белое солнце.

В черное вакуумное небо Луны вырвался многокилометровый гейзер расплавленного титана, сорванных статоров и раскаленной базальтовой шрапнели.

Челнок содрогнулся всем корпусом, теряя внешние панели обшивки грузового трюма, но не взорвался. Вылетев из жерла катапульты под острым, неправильным углом, огромная серебристая сигара медленно завертелась вокруг продольной оси и, разбрасывая в пустоту шлейф замерзающих паров и обломков, ушла по низкой, пологой баллистической дуге — высоко над куполами «Тихо-Сити», мимо беззащитных модулей российской станции «Заря» и китайского сектора, — исчезая за зубчатым горизонтом Моря Спокойствия.

Каменный свод галереи над шестым пилоном жалобно застонал, осыпая на распластанных внизу людей град мелкого щебня и кусков бетонной крепи, но устоял.

И тогда наступила тишина.

Настоящая, мертвая лунная тишина, в которой было слышно лишь собственное тяжелое, сиплое дыхание под запотевшим стеклом шлема да редкое, сухое потрескивание остывающих после чудовищного перегруза катушек индуктивности. Масс-драйвер был мертв. Половина выходного жерла превратилась в оплавленное месиво из скрученного металла. Главная транспортная артерия корпорации T-Orbital прекратила свое существование.

Воронов медленно, преодолевая свинцовую тяжесть в контуженом теле, перевернулся на бок и встал на одно колено.

Системы «Беркута» одна за другой выходили из перезагрузки, зажигая на визоре янтарные строки диагностики. Сервопривод левого наплечника подвывал при каждом движении, запас кислорода в основном баллоне упал до сорока процентов, но кости были целы.

Рядом, скорчившись у подножия консоли и обхватив руками шлем, сидел Артур Вэнс.

Воронов поднялся во весь рост, подошел к искрящему терминалу и резким рывком выдернул из порта горячий, пахнущий паленым текстолитом блок армейского дешифратора. Индикатор памяти на торце прибора горел ровным зеленым светом: за те секунды, пока шел взлом фаз, военный накопитель полностью выкачал через открытый шлюз весь теневой буфер диспетчерской, включая закрытую телеметрию колец и подлинные маршрутные коды груза.

— Живой, инженер? — глухо спросил Воронов, опуская руку на плечо Вэнса.

Американец медленно отнял перчатки от лица и поднял взгляд вверх, туда, где сквозь развороченный выходной створ катапульты в черном небе спокойно сияли холодные, равнодушные звезды.

— Купола… — пересохшими губами прошептал Вэнс. — Купола «Тихо-Сити» целы. Он прошел на сто двадцать метров выше жилого сектора. Мы… мы отвернули его.

Но уже в следующую секунду эйфория спасения схлынула с лица инспектора, сменившись ледяным, парализующим осознанием того, что именно они сейчас сотворили. Вэнс посмотрел на мертвые тела элитных бойцов «Эгиды», вмороженные в азотный иней на полу, затем на оплавленный рельс стоимостью в бюджет небольшого государства, и его зрачки снова расширились.

— Ты… ты хоть понимаешь, что мы наделали, русский? — голос Вэнса сорвался на шепот, в котором ужас смешивался с истерическим смехом. — Мы только что сожгли единственную катапульту на Луне. Мы сорвали пуск спецрейса с личным кодом председателя Торна! Они вели эту баржу по закрытому протоколу уровня «Омега»! Когда на «Апексе» поймут, что груз не вышел на марсианскую траекторию, а рухнул где-то в нейтральной зоне… за нами не просто пришлют штурмовой взвод. Они поднимут орбитальные платформы! Они выжгут весь этот квадрат до самой мантии!

Воронов не слушал его причитаний.

Прислонив карабин к бедру, майор подключил выдернутый дешифратор кабелем к своему наручному тактическому планшету и развернул на экране первые расшифрованные стра-

ницы грузового манифеста, которые система безопасности T-Orbital так отчаянно пыталась скрыть за фальшивыми накладными.

Строчки сухого корпоративного кода бежали перед его глазами.

В графе «Отправитель» значился: «Карантинный логистический узел 9. Агломерация Чунцин–Ухань. Земля. Куратор по квотам: спец. уполномоченный А. В. Лебедев».

Воронов нахмурился. Имя старого связного из Комитета по ресурсам резануло взгляд, но то, что стояло строчкой ниже, в разделе «Фактическая спецификация груза (уровень допуска: Совет директоров)», заставило холодный ком подкатить к самому горлу даже видавшего виды офицера ГРУ.

Никакой донорской плазмы. Никакого очищенного дейтериевого гидрогеля для реакторов «Нового Эдема».

На экране четким белым шрифтом горел гриф закрытого отдела биоинженерии корпорации:

«ОБЪЕКТ ТРАНСПОРТИРОВКИ: СУБЪЕКТ-ПАРТИЯ 88 (ЖИВАЯ МАССА). КОЛИЧЕСТВО ЕДИНИЦ: 3 140. СТАТУС ТРАНСФОРМАЦИИ: ФАЗА 3 (АНАЭРОБНЫЙ ВАКУУМНЫЙ ШТАММ). ВНИМАНИЕ: КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНО ВСКРЫТИЕ КОНТЕЙНЕРОВ В КИСЛОРОДНОЙ АТМОСФЕРЕ. В СЛУЧАЕ РАЗГЕРМЕТИЗАЦИИ НОСИТЕЛЯ — ЛИКВИДАЦИЯ ТЕРМИЧЕСКИМ ИЛИ КИНЕТИЧЕСКИМ УДАРОМ».

А ниже, на баллистическом калькуляторе планшета, который автоматически рассчитал траекторию сбитого челнока по данным лунных гравиметров, мигала красная точка расчетного падения.

Корабль не улетел в открытый космос. Сбросив скорость при ударе о выходной рельс, трехтысячетонная баржа описала пологую дугу над поверхностью Луны и должна была врезаться в базальтовое плато нейтрального сектора 12 — в районе древнего ударного кратера «Аль-Бакри», ровно посередине между американским хабом и российской станцией «Заря».

До удара о грунт оставалось тридцать восемь минут.

Воронов медленно погасил экран планшета и посмотрел сверху вниз на сидящего в ледяной пыли Артура Вэнса. Вспоминать о сгоревшем Новосибирске больше не требовалось — Новосибирск сам только что прилетел за ним на Луну в трех тысячах стальных баков.

— Вставай, инженер, — тихо и страшно сказал Воронов, протягивая американцу руку в бронированной перчатке, испачканной чужой замерзшей кровью. — И подбери трофейный дробовик.

Вэнс непонимающе уставился на него:

— Зачем?.. Куда мы пойдем? Твоя антенна срезана, шлюзы базы блокированы…

— В гараж наружного обхода за твоей спиной. Возьмем твой инспекционный ровер и выйдем через технический шлюз на поверхность, — Воронов рывком поставил инженера на ноги и кивнул в сторону черного провала катапульты, за которым расстилалась безмолвная каменная пустыня Моря Спокойствия. — Потому что твоя корпорация отправляла на Марс вовсе не лекарства, Вэнс. И через полчаса три тысячи тех, в чьи цистерны ты ставил свои клапаны, упадут в двадцати километрах отсюда. И нам очень нужно оказаться у этого кратера раньше, чем они вылезут наружу.

Глава 3

ГЛАВА 3. СЕКТОР 9

Земля, Евразийская континентальная агломерация Чунцин–Ухань. Нижний ярус карантинного сектора 9. То же время

Кислотный дождь не падал с неба — здесь, на нулевом горизонте сектора 9, неба не существовало уже тридцать четыре года.

Маслянистая, теплая, насыщенная сернистым ангидридом и угольной взвесью влага срывалась вниз с трехсотметровой высоты — с проржавевших стальных брюшин транспортных эстакад второго и третьего городских ярусов. Пролетая сквозь километровые колодцы между вентиляционными градирнями, капли собирали всю таблицу Менделеева выхлопов стомиллионного мегаполиса и с мелким, ядовитым шипением разъедали ярко-желтый прорезиненный винил защитного плаща специального уполномоченного Комитета по распределению ресурсов Артема Всеволодовича Лебедева.

Воздух даже сквозь двойные угольно-цеолитовые патроны армейской полумаски-респиратора имел плотный, тошнотворный вкус. Он пах вареной тухлой рыбой из пересохшего, превращенного в бетонный коллектор русла Янцзы, жженой полимерной изоляцией, дешевым карболовым антисептиком и сладковатым, липким душком формалина, которым муниципальные дроны каждое утро заливали санитарные рвы вдоль бараков.

Лебедев остановился на скользком от мазута чугунном настиле переходного мостика и тяжело оперся ладонью в резиновой перчатке о мокрые перила.

Под правой лопаткой привычно, тупо заныло — старая межреберная невралгия, верная спутница пяти лет работы в сырости нижнего Чунцина. Ему было пятьдесят, но здесь, в желтоватом полумраке натриевых прожекторов, никогда не гаснущих под бетонным сводом верхнего города, он чувствовал себя восьмидесятилетним стариком.

Внизу, по обе стороны от приподнятой насыпи грузовой железнодорожной ветки, до самого горизонта расстилалось «Дно». Бесконечный, громоздящийся в восемь-десять этажей лабиринт из списанных морских контейнеров, обшитых листами гофрированного пластика, кусками транспортерной ленты и прессованным картоном. В этих ржавых сотах, продуваемых горячими выхлопами геотермальных станций, копошились, задыхались и ждали своей очереди на орбиту четыре миллиона человек. Избыточный балласт континентальной экономики.

И сейчас этот балласт ревел.

В пятидесяти метрах от железнодорожной платформы, прижатая к тройному ряду спирали Бруно под током, билась многотысячная серая толпа.

Дождь стекал по иссушенным, землистым лицам, размывая сажу и обнажая то, от чего даже солдаты внутренней охраны в герметичных костюмах химзащиты старались отводить взгляд. Почти у каждого второго за колючей проволокой под тонкой, пергаментной кожей шеи, ключиц и висков перекатывались плотные пепельно-серые узлы. «Серая сыпь» — мутагенный легочный фиброз третьей волны. Болезнь, не числившаяся ни в одном довоенном справочнике, но за последние три года выкосившая нижние ярусы от Шанхая и Калькутты до старых промышленных окраин Урала.

Болезнь начиналась с сухого металлического кашля, а через четыре месяца превращала альвеолы легких в пористую кремнийорганическую губку, деформировала грудную клетку и заставляла костную ткань расти сквозь хрящи. Единственным спасением считались чистые купола орбитальных станций и марсианская программа корпорации T-Orbital, чьи рекрутинговые центры обещали полное очищение крови и работу на терраформировании в обмен на двадцатилетний трудовой контракт.

Тысячи рук — худых, покрытых язвами от кислотной воды, с потрескавшимися ногтями — тянулись сквозь ячейки рабицы к проходящему по перрону Лебедеву. В пальцах люди сжимали размокшие пластиковые карточки предварительного квотирования.

— Уполномоченный! Господин уполномоченный! — женский голос, сорванный до кровавого хрипа, прорезал монотонный гул толпы и шум ливня.

Молодая женщина в обрывках заводской спецовки висела прямо на нижних витках колючей проволоки. Шипы спирали Бруно пропороли ей предплечья, темная кровь смешивалась с дождевой водой, но она не чувствовала боли — она исступленно просовывала в узкую щель под сеткой худенького мальчика лет шести в полиэтиленовом мешке вместо дождевика.

— Он чистый! Господин в желтом плаще, посмотрите, у него нет узлов на шее! — кричала она, выворачивая воротник детского комбинезона и показывая бледную, синеватую от холода ключицу ребенка. — Нас вычеркнули из утреннего эшелона! Сказали, перегруз по воде! Возьмите его одного, ради Христа, возьмите без меня! У него третья группа крови, он сможет работать на гидропонике!

Мальчик не плакал. Он смотрел на Лебедева огромными, немигающими глазами, в которых застыла взрослая, покорная обреченность, а когда закашлялся и прижал ладошку ко рту, Артем Всеволодович ясно увидел: указательный и средний пальцы на правой руке ребенка уже срослись до второй фаланги под плотной серой роговой пленкой.

Лебедев резко отвернулся, чувствуя, как к горлу подкатывает кислый спазм.

«Не смотреть в глаза. Никогда не смотреть в глаза у сетки», — это правило он выжег в себе еще четыре года назад, в свою первую зиму в Чунцине, когда после смены выпивал по полбутылки скверного синтетического спирта, чтобы перестать видеть лица тех, кому не хватило его подписи.

Тогда, в семьдесят третьем, когда объединенный Комитет Москвы и Пекина направил его сюда чрезвычайным комиссаром по трудовым квотам, Артем искренне верил, что делает страшную, грязную, но необходимую работу спасателя на тонущем корабле. Нижние ярусы задыхались. Продовольственные пайки из соевого шрота и хлореллы урезались каждые полгода. Если не сбрасывать демографическое давление через орбитальные лифты T-Orbital, стомиллионный котел Чунцина взорвался бы таким голодным бунтом, который смел бы и карантинные кордоны, и верхние чистые ярусы.

И Лебедев подписывал.

Каждую неделю он ставил свою цифровую факсимильную печать под списками на три, пять, восемь тысяч человек. Он закрывал глаза на то, что медицинские инспекторы корпорации в нарушение Женевской конвенции забирали в «трудовой резерв» даже тех, у кого фиброз перешел во вторую стадию. Он молча подписывал акты отчуждения имущества, когда эвакуируемые семьи передавали T-Orbital все свои биометрические права в обмен на билет в один конец. Он уговаривал свою совесть простой, удобной арифметикой чиновника: «Там, на Луне и на Марсе, у корпорации передовые клиники. Пусть они пашут в рудниках по четырнадцать часов, пусть это кабала — но там они хотя бы дышат фильтрованным воздухом, а здесь они сгниют заживо к весне».

А три недели назад у водораспределителя в секторе «Север» точно такая же мать с семилетним мальчиком, прижимавшим к груди дешевый синий игрушечный ровер из штампованной пластмассы, упала на колени прямо в мазутную лужу перед колесами его служебного броневика. И Лебедев тогда дрогнул. Вышел под дождь, достал планшет и лично, поверх утвержденного лимита, вписал их обоих в октябрьский эшелон спецрейса 88, ощутив в груди теплое, почти забытое чувство собственной человечности.

Если бы он тогда знал, куда именно идет этот эшелон.

— Товарищ уполномоченный, стрелочный пост блокирован нашей первой группой, — шедший на полшага позади сержант взвода химической разведки Чэнь поравнялся с Лебе-

девым, поправляя ремень тяжелого импульсного автомата. Сквозь запотевшее панорамное стекло противогаза молодое лицо двадцатидвухлетнего китайца казалось бледным и сосредоточенным. — Локомотив корпорации под парами, но мы положили поперек рельсов магнитные башмаки. Наемники ЧВК на перроне сняли предохранители. Ждут только повода.

— Повода мы им пока не дадим, Чэнь, — глухо отозвался Лебедев, доставая из непромокаемого планшета электронный ордер Чрезвычайной комиссии и портативный лазерный спектрометр. — За мной идут только четверо. Оружие держать на груди, стволами вниз. Но если я подам команду «Сброс» — бьете по прожекторам и отходите за бронещиты транспортера.

Они поднялись по бетонным ступеням на главную погрузочную платформу карантинного узла 9.

* * *

Вдоль перрона, уходя в желтую дождевую мглу почти на два километра, стоял литерный железнодорожный состав.

Триста тяжелых восьмиосных цистерн повышенной прочности из матового титан-молибденового сплава, выкрашенных в стерильный темно-серый цвет корпорации T-Orbital. На каждом выпуклом боку под эмблемой серебристого орбитального кольца белел четкий трафарет на трех языках — английском, русском и китайском:

«ОЧИЩЕННАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ВОДА (ДЕЙТЕРИЕВЫЙ КОНЦЕНТРАТ). СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ГИДРОРЕЗЕРВ КОЛОНИИ НОВЫЙ ЭДЕМ. КАТЕГОРИЯ ОХРАНЫ: АЛЬФА».

Но для поезда с водой состав выглядел слишком странно.

От каждой цистерны к идущему вдоль полотна высоковольтному силовому кабелю тянулись толстые, в руку толщиной, бронированные шланги криогенного и электрического питания. Мощные компрессоры под днищами вагонов натужно, басовито гудели, прогоняя что-то по внутренним контурам, а вокруг платформы вместо обычных железнодорожных диспетчеров стояла плотная цепь бойцов корпоративной ЧВК «Эгида» в тяжелых штурмовых экзоскелетах с длинноствольными кинетическими винтовками.

Навстречу Лебедеву из-под пластикового навеса диспетчерской вышли трое.

Впереди шел региональный директор логистического хаба T-Orbital по Юго-Восточной Азии Маркус Вейланд — высокий, подтянутый сорокалетний европеец в безупречном, сшитом на заказ угольно-черном гидрофобном пальто, с которого ядовитые капли чунцинского дождя скатывались, не оставляя следа. В левом глазу Вейланда мягким золотистым ободком светился дорогой нейрооптический имплант цюрихской сборки, а к нижней половине холеного, гладко выбритого лица он брезгливо, двумя пальцами в тонкой лайковой перчатке, прижимал компактный серебристый ингалятор с автономной подачей альпийской кислородной смеси.

За его спиной, словно две черные стальные тени, двигались телохранители с активированными коллиматорными прицелами.

— Господин Лебедев, — Вейланд остановился в трех шагах, даже не пытаясь изобразить дипломатический поклон. Его голос, слегка искаженный мембраной золотого ингалятора, звучал с ленивым, брезгливым превосходством колониального губернатора, вынужденного объясняться с туземным старостой. — Спецсостав 88-Бис задерживается на три часа двенадцать минут. Стартовое окно грузового лифта в Сингапуре жестко синхронизировано с лунным масс-драйвером. Если эшелон не выйдет на скоростную магистраль до наступления комендантского часа, корпорация понесет убытки в размере сорока миллионов кредитов. Ваши солдаты блокируют стрелку. Уберите людей с путей.

Лебедев медленно остановился, глядя прямо в золотистое кольцо чужого импланта. Дождевая вода стекала с козырька его старой фуражки на стекло респиратора.

— Четыре часа назад, господин Вейланд, — ровно, почти монотонно заговорил Лебедев, поднимая перед собой пластину ордера, — в главном распределительном узле сектора «Север» по приказу вашей технической службы было полностью отключено водоснабжение и

подача регенерированного белка двум миллионам ста тысячам жителей нижнего яруса. Насосные станции осушены до дна. В городе через шесть часов начнется массовая гибель людей от обезвоживания и отека легких.

— Досадная коммунальная авария на муниципальных сетях, — холодно парировал Вейланд, не моргнув глазом. — Обратитесь в мэрию Чунцина. Корпорация не занимается водопроводом трущоб.

— Зато корпорация занимается выкачкой ресурсов из этого водопровода, — голос Лебедева отвердел. — Мои приборы зафиксировали, что весь объем воды и триста тонн питательного органического гидрогеля из городского резерва были перекачаны по резервному трубопроводу сюда, на закрытую ветку вашего депо. И прямо сейчас я вижу перед собой триста опломбированных цистерн объемом по десять кубометров каждая с маркировкой «Стратегический гидрорезерв». Три тысячи кубометров. Куда это идет, Вейланд?

— Вы умеете читать трафареты, господин уполномоченный, — уголок губ европейца тронула тонкая, презрительная усмешка. — На орбитальный терминал, а оттуда — челноками до Луны и Марса. Купола «Нового Эдема» в долине Маринер расширяют посевные площади гидропоники. Колония требует поддержания гидробаланса. Все квоты на забор воды согласованы с вашим министерством в Пекине еще в прошлом квартале. Отойдите от платформы.

— Министерство согласовало вывоз технической воды, — Лебедев сделал шаг вперед, обходя Вейланда по дуге и направляясь прямо к чугунной лесенке ближайшей к ним цистерны под номером четырнадцать. — А по данным весового контроля на входной стрелке, каждая ваша цистерна весит на четыре тонны больше, чем должна весить при заполнении тяжелой водой. И потребляет по триста киловатт электроэнергии в час. Вода не нуждается в электрообогреве и принудительной вентиляции, господин директор.

Телохранители Вейланда синхронно шагнули наперерез, вскидывая стволы винтовок. Сержант Чэнь и трое бойцов химразведки за спиной Лебедева мгновенно сорвали автоматы с предохранителей, беря охранников на перекрестный прицел. В сыром воздухе повисла звенящая, взрывоопасная тишина, нарушаемая лишь воем толпы за колючей проволокой да шипением дождя на горячих кожухах компрессоров.

— Не делайте глупостей, Лебедев, — тихо, уже без прежней вальяжности произнес Вейланд, поворачивая голову вслед чиновнику. Золотой имплант в его глазу сузил диафрагму, фокусируясь на затылке русского. — Вы работаете на этом узле пять лет. Вы умный человек и знаете правила игры. Подпишите путевой лист, получите свой квартальный бонус в чистых медикаментах для вашего ведомства и возвращайтесь в кабинет. Не нужно заглядывать туда, откуда нельзя вернуться.

Но Лебедев уже стоял у борта цистерны 14.

* * *

Он стянул с правой руки толстую прорезиненную перчатку и прижал голую ладонь к мокрой титановой обшивке бака.

Металл не был ледяным, каким полагается быть резервуару со сжатой водой или криогенным концентратом. Обшивка была теплой — неприятной, животной теплотой воспаленного тела, около тридцати восьми градусов. И под пальцами Лебедева сталь мелко, ритмично вздрагивала. Не от вибрации дизельного генератора. Это были глухие, неровные внутренние толчки — словно внутри стального цилиндра в такт общему, гигантскому метроному сокращалась колоссальная мышца.

Лебедев опустил взгляд вниз, на гравийную отсыпку между шпалами.

Там, прямо под нижним дренажным клапаном с заводским клеймом «Vance-Tech 4», из-под ослабшей фторопластовой прокладки медленно, раз в несколько секунд, срывались тяжелые капли.

Это была не вода.

На мокрые камни падала густая, тягучая, студенистая серая слизь с прожилками бурой сукровицы. Упав в лужу кислотной дождевой воды, капля не растворялась — она сворачивалась плотным белесым сгустком, шипела и начинала медленно расползаться по гравию тончайшими кремниевыми нитями, источая сквозь фильтры респиратора резкий, удушливый смрад гниющего белка и аммиака.

Лебедев быстро поднес к дренажному клапану щуп портативного спектрометра. Лазерный луч резанул по серой капле.

Маленький экран прибора на запястье чиновника мгновенно вспыхнул багровым кодом биологической тревоги:

«ВНИМАНИЕ! ОБНАРУЖЕН СИНТЕТИЧЕСКИЙ ПРИОННЫЙ КОМПЛЕКС (ШТАММ Т-О/88). КОНЦЕНТРАЦИЯ ТЯЖЕЛЫХ ИЗОТОПОВ И КРЕМНИЙОРГАНИКИ: КРИТИЧЕСКАЯ. СОВПАДЕНИЕ С КАРАНТИННЫМ ОБРАЗЦОМ СЕРАЯ СЫПЬ (ЧУНЦИН): 99,4%».

У Лебедева перехватило дыхание. Мир вокруг — ревущая толпа за проволокой, черные силуэты наемников, лощеное лицо Вейланда — вдруг качнулся и потерял резкость.

Девяносто девять и четыре десятых процента.

«Серая сыпь», от которой за колючей проволокой прямо сейчас умирали сотни тысяч людей, не была природной мутацией от грязного воздуха. Она не была стихийной пандемией трущоб. Этот штамм вывели в тех же самых стерильных лабораториях T-Orbital, которые потом продавали отчаявшимся людям спасительную эвакуацию. Они сами распылили «Фазу 1» в водопровод нижних ярусов, чтобы запустить перестройку легких и костей у миллионов бедняков, а затем просто собирали готовый «полуфабрикат» через его, Лебедева, квотные списки!

Не раздумывая больше ни секунды — прежде чем Вейланд успел отдать команду стрелять, — Артем Лебедев вскочил на нижнюю ступеньку инспекционной площадки цистерны 14, рукоятью табельного резака сбил свинцовую корпоративную пломбу со смотрового люка и обеими руками, срывая ногти, до упора вывернул тяжелый запорный вентиль.

Пневматический фиксатор громко, протяжно всхлипнул, сбрасывая внутреннее давление. Крышка узкого бронированного смотрового окна с лязгом откинулась вбок.

В лицо Лебедеву из чрева цистерны ударил такой густой, горячий, концентрированный смрад формалина, хлорного железа, испражнений и вареного мяса, что даже сквозь армейские фильтры его вывернуло сухим спазмом.

Лебедев зажмурился на миг, а затем открыл глаза и посмотрел внутрь, одновременно включая запись на своей нагрудной инспекционной микрокамере.

Внутри цистерны не было воды.

Под тусклым, мертвенно-фиолетовым светом бактерицидных ультрафиолетовых ламп внутренней подсветки, в десяти кубометрах мутной, пузырящейся желто-серой питательной взвеси копошилась плотная, переплетенная живая масса.

Это были люди.

Сотни нагих человеческих тел — мужчин, женщин, подростков, — спрессованных в чудовищный многослойный органический кокон, как сельди в бочке. Но человеческого в них оставалось уже пугающе мало. Питательный гидрогель на основе тяжелых солей и кремния, накачиваемый через клапаны под давлением, доделывал то, что начала «серая сыпь» в трущобах.

Их конечности неестественно вытянулись и вывернулись в суставах, пальцы на руках и ногах срослись в трехпалые костяные клешни с черными серповидными когтями, способными дробить базальт. Раздутые, бочкообразные грудные клетки лопнули по швам старой кожи, покрывшись сплошным панцирем из слоистого пепельно-серого хитина, а вдоль ребер мерно, как жабры глубоководных рыб, открывались и закрывались багровые анаэробные щели.

Они не кричали. Они не могли кричать: их рты и ноздри были намертво, вживую запаяны толстыми силиконовыми гофрированными трубками, которые росли прямо из центрального органического коллектора на дне бака и непрерывно качали кипящий изотопный фильтрат в их перестроенные внутренности, выжигая последние остатки голосовых связок и человеческого сознания.

Вся эта многотонная масса плоти мерно, синхронно вздымалась и опадала в такт глухому чавкающему биению биомеханического насоса под днищем цистерны.

И прямо перед лицом Лебедева, в десяти сантиметрах за кварцевой перегородкой смотрового щелевого окна, из мутной взвеси медленно всплыло то, что три недели назад было семилетним ребенком.

Лебедев узнал его не по лицу — лица больше не было, череп затянуло слепой серой костяной маской с двумя белесыми, лишенными зрачков катарактными наростами вместо глаз.

Он узнал его по куску оплавленной в едком геле ярко-синей пластмассы, который намертво вплавился в хитиновый нарост на детской груди. Игрушечный шестиколесный лунный ровер. Тот самый, который мальчик прижимал к себе в мазутной луже у водокачки сектора «Север».

А чуть выше, на тонкой, изуродованной черными кристаллическими жгутами вен шее, покачивалась в потоке жидкости стандартная титановая бирка логистического учета T-Orbital с выжженным лазером штрих-кодом:

«ПАРТИЯ 88. СУБЪЕКТ 14-089. СТАТУС: ФАЗА 2 (ПЕРЕХОД В ФАЗУ 3). ГОДЕН ДЛЯ ТЯЖЕЛЫХ ГОРНОПРОХОДЧЕСКИХ РАБОТ В БЕЗАТМОСФЕРНОЙ СРЕДЕ. МАРСИАНСКИЙ СЕКТОР РУДНИКОВ. ОТПРАВЛЕНО ПО КВОТЕ СПЕЦ. УПОЛНОМОЧЕННОГО А. В. ЛЕБЕДЕВА».

В глубине бака слепая голова бывшего ребенка вдруг медленно повернулась на свет открытого люка. Сквозь мутную жижу белесые наросты уставились прямо на Лебедева, и согнутая костяная ласта с тремя сросшимися пальцами слабо, рефлекторно скребнула по внутренней стороне стекла, оставляя на кварце белую царапину.

Ноги Лебедева сделались ватными. Сердце ударило в ребра с такой силой, что в ушах зазвенело, перекрывая шум дождя. Пять лет. Пять лет он собственными руками, своей аккуратной чиновничьей подписью загонял тысячи людей в эти стальные чаны с кислотой и кремнием.

На перроне за его спиной сухо, синхронно лязгнули десятки затворов — взвод ЧВК «Эгида» вдоль всего состава вскинул винтовки к плечу, беря группу Лебедева в плотное кольцо прицелов.

Маркус Вейланд медленно убрал серебристый ингалятор в карман, расстегнул верхнюю пуговицу своего безупречного черного пальто и положил ладонь в лайковой перчатке на рукоять тяжелого кинетического пистолета в наплечной кобуре.

— Вы очень зря открыли этот люк, господин Лебедев, — тихо и совершенно спокойно произнес региональный директор, глядя в побелевшее за маской лицо русского чиновника. — Я ведь предупреждал вас. На Марсе не нужны клерки, поэты или учителя. Там нет магнитного поля, там три процента углекислоты вместо воздуха и доза радиации в пятьсот рентген на поверхности. Чтобы построить там Новый Эдем для тех, кто достоин будущего, нам нужны те, кто может грызть мерзлую породу в открытом вакууме без скафандров и не требовать профсоюзных льгот.

Вейланд шагнул к самой ступеньке цистерны, и золотое кольцо в его левом глазу холодно блеснуло в свете прожектора:

— Земля умирает, господин уполномоченный. Через десять лет эти миллионы за колючей проволокой все равно задохнутся в собственном гное. Мы не убиваем их. Мы просто ути-

лизируем излишки и даем их плоти функцию в новом мире. А вот что мне теперь делать с вами — большой вопрос.

Глава 4

ГЛАВА 4. ПРОТОКОЛ ОТСТУПЛЕНИЯ

Земля, погрузочный терминал карантинного сектора 9 (Чунцин) — Луна, окраина Моря Спокойствия. То же время

Пальцы Артема Лебедева замерли на чугунном вентиле смотрового люка цистерны 14.

Густая, пахнущая аммиаком и горячим формалином серая слизь, выступившая на ободе уплотнителя, с тихим шипением разъедала прорезиненную ткань его защитной перчатки. В десяти сантиметрах за толстым кварцевым стеклом, в мутной, пузырящейся желто-серой взвеси медленно покачивалось то, что три недели назад было семилетним мальчиком из сектора «Север». Кусок ярко-синей оплавленной пластмассы — игрушечный шестиколесный ровер — намертво врос в слоистый пепельный хитин на детской груди, а слепые белесые наросты на месте глаз, казалось, смотрели сквозь толщу кислоты прямо в душу человека, подписавшего этот эшелон.

За спиной Лебедева, перекрывая монотонный шум кислотного ливня и глухой рев толпы за спиралью Бруно, сухо и слаженно щелкнули сервоприводы двадцати четырех штурмовых экзоскелетов корпоративной ЧВК «Эгида».

Двадцать четыре коллиматорных прицела сошлись на желтом плаще уполномоченного и четырех солдатах взвода химразведки. Сержант Чэнь у подножия лесенки затаил дыхание; ствол его импульсного автомата мелко вздрагивал, направленный в грудь ближайшего телохранителя, но расклад сил был очевидным и безнадежным. Наемники T-Orbital в тяжелой композитной броне перемололи бы конвойную четверку за две секунды — еще до того, как пулеметчик на крыше стоящего за воротами патрульного броневика успел бы довернуть башню. А через пять минут трупы спишут на прорыв карантинного периметра взбунтовавшимися зараженными.

Маркус Вейланд стоял у нижней ступеньки цистерны. Капли чунцинского дождя скатывались по лацканам его безупречного угольно-черного пальто. Ладонь регионального директора в тонкой лайковой перчатке спокойно лежала на рукояти тяжелого кинетического пистолета в расстегнутой кобуре, а золотое кольцо нейрооптического импланта в левом глазу мерно пульсировало, считывая малейшие колебания зрачков, частоту дыхания и тремор пальцев русского чиновника.

Вейланд ждал истерики. Ждал, что старый бюрократ сейчас закричит о правах человека, потянется к табельной кобуре или попытается вызвать подкрепление гарнизона. Любое резкое движение означало немедленную ликвидацию.

И Лебедев это понял.

За тридцать лет государственной службы в чрезвычайных комиссиях Артем Всеволодович усвоил одну простую истину: в мире больших корпораций и закрытых протоколов боятся только идейных фанатиков, но с готовностью и привычным презрением верят циникам, пекущимся о собственной шкуре и бумажной отчетности.

Если он сейчас покажет Вейланду свой ужас — никто из его ребят не уйдет с этого перрона живым, а эшелон беспрепятственно уйдет на орбиту.

Лебедев заставил мышцы лица расслабиться. Каменным, неторопливым движением он опустил тяжелую бронекрышку смотрового люка обратно на место. Металл глухо лязгнул, отсекая удушливый смрад вареной плоти. Затем чиновник двумя оборотами затянул прижимной вентиль, достал из кармана кусок промасленной ветоши и брезгливо, тщательно вытер серую слизь со своей перчатки, словно испачкался обычным мазутом.

Золотая диафрагма в глазу Вейланда чуть заметно дрогнула.

— Технический регламент перевозок грузов первого класса нарушен, господин Вейланд, — голос Лебедева прозвучал удивительно сухо, скрипуче и буднично — с той неподражаемой,

въевшейся в подкорку канцелярской скукой, за которой мелкие сошки на блокпостах десятилетиями прячут либо вымогательство взятки, либо страх перед начальством. — Транспортировка нестабилизированного биологического сырья третьей категории под таможенной маркировкой «Стратегический гидрорезерв» является прямым нарушением семьдесят четвертого параграфа Евразийского транзитного пакта. Это грозит отзывом лицензии узла и конфискацией подвижного состава.

Лебедев спустился на две ступеньки вниз и остановился в метре от директора, устало поправив очки под стеклом полумаски.

Вейланд пристально всматривался в его серое, изрезанное морщинами лицо. Секунда. Две. Три. Биометрический сканер в импланте европейца зафиксировал падение пульса чиновника — холодная ярость внутри Лебедева сработала лучше любого бета-блокатора, выровняв сердечный ритм до спокойных семидесяти ударов.

Уголок губ Вейланда медленно пополз вверх в кривой, понимающей усмешке. Он медленно убрал руку от кобуры и застегнул пуговицу пальто.

— Министерство в Пекине закроет на это глаза, господин Лебедев, — негромко, почти доверительно произнес директор, снова поднося к губам серебристый ингалятор с альпийским воздухом. — Точно так же, как ваш Комитет закрывал глаза последние пять лет, получая от нас квоты на чистый инсулин и антибиотики для правительственных клиник. Не стройте из себя святошу. Ваши люди снимут блокировку со стрелки?

— Мои люди выполняют мой приказ, — Лебедев демонстративно потер ноющую поясницу и кивнул на свой мокрый планшет. — Но подставлять свою голову под трибунал госконтроля из-за ваших логистических игр я не собираюсь. Если на центральной сортировке в Сингапуре обнаружат перегруз цистерн на четыре тонны, крайним сделают инспектора отправки. То есть меня.

— Чего вы хотите? — коротко спросил Вейланд.

— Официальный протокол перехвата юрисдикции за вашей личной криптографической подписью, — не моргнув глазом, отчеканил Лебедев. — Форма 12-Бис: груз досмотрен внутренней службой безопасности T-Orbital, доступ муниципальному карантину закрыт по соображениям коммерческой тайны. И двойной квартальный лимит регенеративных картриджей для моего сектора. Бумага ляжет в мой сейф — я закрою наряд и уберу конвой с путей. Без вашей подписи мои пулеметчики останутся на стрелке, даже если вы положите нас всех прямо здесь. Вы ведь знаете, Вейланд: стрельба на узле автоматически заблокирует гермоворота тоннеля на трое суток. Ваш челнок улетит пустым.

Это был тонкий, выверенный до миллиметра шантаж мелкого коррупционера, требующего бумажку для прикрытия зада. И Вейланд купил его целиком.

В глазах европейца погасла настороженность, сменившись привычным, брезгливым удовлетворением человека, в очередной раз убедившегося, что в этом прогнившем мире у каждого туземца есть своя скромная цена.

— Вы стареете, Артем Всеволодович, — холодно усмехнулся Вейланд и сделал едва заметный жест двумя пальцами в сторону командира взвода «Эгиды».

Двадцать четыре ствола вдоль состава синхронно опустились вниз.

— Форма 12-Бис и накладная на медикаменты придут на ваш закрытый терминал через десять минут, — бросил директор, уже теряя к чиновнику всякий интерес и поворачиваясь к диспетчерской. — Забирайте своих солдат и убирайтесь из карантинной зоны немедленно. Через полчаса мы пускаем состав, а в секторе 9 начнется внеплановая термическая санобработка периметра. Кто не успеет уйти за кордон — спишем на боевые потери.

Лебедев коротко, по-чиновничьи кивнул.

— Чэнь. Сворачиваем пост. Отходим к машине, — ровно скомандовал он, не оборачиваясь к цистернам.

Они шли по мокрому бетону перрона медленно, шаг в шаг, не смея ускориться или оглянуться. Спиной Артем Всеволодович физически ощущал тяжелые, немигающие взгляды снайперов ЧВК с крыши депо. Бойцы химразведки в громоздких прорезиненных костюмах сомкнули строй за его плечами, прикрывая командира своими корпусами, пока тяжелая кормовая аппарель трехосного бронированного транспортера «Тайфун-Х» не сомкнулась за ними с глухим гидравлическим вздохом.

* * *

Только когда сработали внутренние пневматические запоры и в десантном отсеке зажегся тусклый синий свет герметичного контура, с Лебедева слетела маска равнодушного бюрократа.

Он резко, с хрипом сорвал с лица потную резиновую полумаску респиратора, ударился плечом о стальную переборку и согнулся пополам, судорожно хватая ртом сухой, пахнущий озоном, соляркой и жженой проводкой воздух фильтровентиляционной установки. Пальцы, секунду назад спокойно вытиравшие слизь ветошью, теперь колотила такая крупная, неудержимая дрожь, что он не с первой попытки смог расстегнуть воротник плаща.

Перед глазами все еще стояло мутное фиолетовое свечение внутри бака и синий кусок расплавленной игрушки, вросший в грудную клетку ребенка.

— Товарищ уполномоченный… — сержант Чэнь на водительском месте обернулся из рубки; лицо парня без противогаза было серым, как пепел, а губы прыгали. — Товарищ уполномоченный, что это было там, в цистерне?! Я видел через ваше плечо… там же люди! Живые люди в кислоте! Стрелку разблокировать или дадим залп из башенного орудия по локомотиву?!

— Дай им зеленый семафор, Чэнь! — глухо, но с такой железной яростью отрезал Лебедев, что сержант вздрогнул. — Немедленно сними магнитные башмаки с рельсов и заводи двигатель! Медленно выводи машину за вторые ворота периметра!

— Но они же увезут их на космодром!..

— Если мы сейчас выстрелим по локомотиву, нас сожгут из гранатометов за десять секунд, и никто в Москве и Пекине никогда не узнает, что находится внутри спецрейса 88! — Лебедев рывком выпрямился, вытирая тыльной стороной ладони холодный пот со лба. — Пусть Вейланд еще десять минут думает, что купил старого труса за пачку антибиотиков! Трогай!

Тяжелый броневик мягко качнулся на гидропневматической подвеске и, разбрызгивая шестислойными шинами глубокие лужи кислотной воды, медленно двинулся вдоль бесконечной вереницы серых цистерн к выездным воротам терминала.

Лебедев не смотрел в триплексы. Он опустился на колени прямо на рифленый стальной пол десантного отсека, выдернул из кармана портативный лазерный спектрометр и подключил его кабелем к бортовому аналитическому блоку химразведки.

На защищенном отсеке прибора осталась микроскопическая капля серого конденсата, которую он успел снять с клапана «Vance-Tech 4» на четырнадцатой цистерне.

Центрифуга экспресс-анализатора зажужжала, раскладывая белковые и кремнийорганические цепочки по спектральным линиям. Экран бортового компьютера заполнился каскадами генетических маркеров.

Лебедев читал сводку, и с каждой новой строчкой в его груди словно замерзал жидкий азот.

Это не была мутация. Природа, даже отравленная сотнями миллионов тонн промышленных отходов, не умела строить такие безупречные, геометрически выверенные молекулярные решетки.

В основе штамма «серой сыпи», выкашивавшей трущобы Азии, лежал искусственно синтезированный прионный комплекс с вшитыми искусственными кодонами иридия и карбида кремния. На каждой белковой петле стояла характерная биохимическая «водяная метка» —

запатентованный молекулярный замок закрытых лабораторий корпорации T-Orbital в Женеве и на орбитальной станции «Апекс».

Картина чудовищного, немыслимого по масштабу конвейера сложилась в голове Лебедева с безжалостной ясностью.

Корпорация никогда не боролась с эпидемией на Земле. Они сами создали ее три года назад.

Сначала через муниципальные системы водоочистки и дешевые белковые пайки в перенаселенные нижние ярусы мегаполисов был вброшен бинарный катализатор — «Фаза 1». Медленный, не вызывающий подозрений у военных медиков легочный фиброз, который мягко перестраивал костный мозг, подавлял иммунный ответ и приучал ткани человека к бескислородному метаболизму.

Затем обезумевшим от удушья людям предлагали спасение — гуманитарные эвакуационные квоты в трудовые резервы. А когда отчаявшиеся семьи сами, добровольно, штурмуя колючую проволоку и умоляя чиновников вроде Лебедева о подписи, заходили в санитарные поезда, их усыпляли, сдирали одежду и загружали сотнями в десятикубовые титановые биореакторы на колесах.

Заливали кипящим изотопным гидрогелем («Фаза 2») и за время пути от Земли до Луны переплавляли человеческую плоть в «Фазу 3» — слепой, закованный в хитиновую броню, лишенный голоса, боли и памяти рабочий скот, способный без скафандров грызть базальт и добывать гелий-3 и редкоземельные металлы в открытом вакууме Луны и ледяных пустошах Марса!

И один такой эшелон — три тысячи сто сорок бывших людей из его собственного октябрьского списка — уже был доставлен орбитальным лифтом на Луну и прямо сейчас находился в разгонной шахте масс-драйвера в секторе «Браво-4»!

— Чэнь, стой за опорой старого виадука! — скомандовал Лебедев, когда броневик миновал внешний шлагбаум депо и скрылся за массивными бетонными быками эстакады второго яруса, вне прямой видимости камер терминала. — Заглуши основной дизель, оставь только экранированную батарею!

Сержант ударил по тормозам. Многотонная машина замерла в густой тени под мостом, где с проржавевших балок водопадами низвергался грязный ливень.

Лебедев рванул на себя стальные защелки под крайним десантным сиденьем, срывая свинцовую пломбу Особого отдела.

* * *

В глубокой, обшитой свинцовыми листами и медной сеткой Фарадея нише лежал аппарат, которого по всем международным договорам о демилитаризации гражданских зон здесь быть не могло.

Угловатый, весящий добрых двадцать килограммов приемопередатчик «Базальт-КВ» в литом силуминовом корпусе болотного цвета. Никаких сенсорных экранов или гражданских спутниковых протоколов, которые ИИ корпорации T-Orbital перехватывал и расшифровывал за долю секунды. Это была армейская квантово-волновая станция прямой загоризонтной связи ГРУ, работающая через цепочку старых, числящихся космическим мусором советских военных ретрансляторов серии «Молния» на высокоэллиптических орбитах.

Лебедев включил тумблер накала. Запахло нагретым трансформаторным маслом и старой канифолью.

Янтарный индикатор синхронизации замигал, нащупывая сквозь грозовой фронт Чунцина и ионосферу Земли узкий лазерно-радиоволновой луч на окололунный спутник-шпион.

Пальцы Лебедева с лихорадочной быстротой вбили в буфер передачи пакет спектрального анализа слизи, видеозапись со своей нагрудной камеры у вскрытой цистерны 14 и под-

линный код груза из железнодорожного реестра. Затем он надел тяжелые кожаные амбушюры головных телефонов, прижал к горлу ларингофон и вдавил тангенту экстренного вызова:

— «Гранит»! «Гранит», ответь «Северу-9»! — глухо выкрикнул Лебедев в микрофон, перекрывая барабанную дробь ливня по бронекрыше транспортера. — Илья, прием! Экстренный пакет по коду «Красная ртуть»! Спецрейс 88, который сейчас у вас на катапульте — это не технический гидрорезерв и не донорская плазма! Повторяю: это не сырье!

В наушниках несколько бесконечных секунд стоял только глухой, потусторонний шорох солнечного ветра и сухой треск пробиваемых квантовым ключом космических помех. Триста восемьдесят четыре тысячи километров ледяной пустоты разделяли душный, пропахший кислотой броневик в трущобах Чунцина и безвоздушное каменное плато Моря Спокойствия.

Лебедев уже хотел продублировать вызов через резервный пекинский канал, когда сквозь белый шум с задержкой в две с половиной секунды вдруг прорвался знакомый, низкий, с хрипотцой голос майора Ильи Воронова.

Голос звучал тяжело и отрывисто — с характерным металлическим эхом замкнутого штурмового шлема и гулким фоновым шипением стравливаемого из переходного шлюза воздуха:

— «Север-9», слышу тебя… Пакет принят. Но ты опоздал со своим предупреждением, Артем. Спецрейс 88 только что сорвался с направляющего рельса масс-драйвера.

Лебедев замер, вцепившись пальцами в край силуминового корпуса рации. Сержант Чэнь и трое бойцов в отсеке затаили дыхание, не сводя глаз с побелевшего лица уполномоченного.

— Катапульта взорвалась?! — выдохнул Лебедев. — Илья, челнок уничтожен в тоннеле?!

Последовала новая трехсекундная пауза, за которую радиоволна метнулась к Луне и обратно. В эфире отчетливо прозвучал сухой, лязгающий звук — там, за сотни тысяч километров от Земли, майор Воронов одной рукой досылал новый магазин в приемник кинетического карабина.

— Отрицательно, «Север-9», — голос Воронова был пугающе спокоен, как у человека, который уже находится по ту сторону катастрофы. — Мы со старшим инспектором Вэнсом сбили фазу магнитной ловушки за три секунды до разрушения кольца. Увели баржу от жилых куполов. Корабль срезал верхний створ катапульты и ушел по пологой аварийной баллистической дуге. До Марса он не долетит.

— Куда он идет, Илья?!

— Обратно к грунту, — на заднем плане за голосом Воронова послышался глухой гул запускаемых электромоторов тяжелого лунного ровера и нервное, прерывистое дыхание американского инженера. — Через тридцать шесть минут эта трехтысячетонная консервная банка с твоими подопечными врежется в базальтовое плато в нейтральном секторе двенадцать. В кратер «Аль-Бакри». Ровно посередине между куполами T-Orbital и нашей станцией «Заря».

Лебедев закрыл глаза, вспоминая сплетение серых хитиновых тел с трехпалыми костяными клешнями в мутной жиже четырнадцатого бака.

— При падении на такой скорости цистерны разгерметизируются, — быстро сказал чиновник в ларингофон. — Вакуум и сто пятьдесят градусов мороза убьют их за минуту, Илья. Вам нужно только оцепить кратер до подхода чистильщиков корпорации и забрать черные ящики…

— Ты не понял меня, Артем, — жестко перебил его Воронов из далекого лунного эфира. — У нас перед глазами прямая телеметрия с внешних камер падающего челнока. При ударе о рельс у него сорвало обшивку носового трюма. Восемьдесят баков уже раскололись в открытом космосе.

Воронов сделал короткую, тяжелую паузу, от которой у Лебедева по спине пополз ледяной холод:

— И они не замерзли, «Север-9». Они прямо сейчас вылезают из пробитых отсеков на внешнюю обшивку летящего корабля. В жестком вакууме. Без скафандров. И когда челнок коснется грунта — они побегут к ближайшему источнику тепла.

Связь оборвалась коротким зуммером отключения передатчика — на Луне ровер Воронова вышел из мертвой зоны шлюза и рванул на перехват падающей звезды.

А в ту же самую секунду снаружи, над бетонными сводами нижнего яруса Чунцина, воздух разорвал низкий, чудовищный вой сотен сирен гражданской обороны.

Чэнь в рубке броневика резко подался к лобовому бронестеклу:

— Товарищ уполномоченный! Взгляните на небо над депо!

Лебедев поднял голову к узкому просвету между эстакадами.

Сверху, пробивая желтую пелену кислотного смога на форсаже поворотных турбин, к железнодорожному терминалу и баракам сектора 9 пикировали шесть тяжелых штурмовых конвертопланов корпорации T-Orbital. Их подфюзеляжные кассетные пилоны были раскрыты. Маркус Вейланд не стал ждать даже обещанных десяти минут — корпорация начинала зачистку свидетелей.

Первый залп зажигательных термитных боеприпасов и белого фосфора беззвучно озарил мокрые крыши трущоб ослепительным, мертвенно-бирюзовым светом.

Глава 5

АКТ II. КРЕМАТОРИЙ И СКЛЕП
ГЛАВА 5. КРАТЕР «АЛЬ-БАКРИ»

Луна, нейтральный сектор 12 Моря Спокойствия. Древний ударный кратер «Аль-Бакри». Через сорок две минуты после аварии на масс-драйвере

Падение трехтысячетонного межпланетного челнока в лунном вакууме выглядело противоестественно и жутко — как немое кино о конце света, из которого чей-то безжалостный монтаж вырезал звуковую дорожку.

Тяжелый шестиколесный инспекционный ровер «Козерог-6» шел на пределе мощности водородных топливных элементов по каменистой гряде нейтрального сектора 12, когда за зубчатым базальтовым гребнем кратера «Аль-Бакри» вспыхнуло второе солнце.

Не было ни грохота крушения, ни воя срывающегося в пике металла. В черное, усыпанное немигающими ледяными алмазами звезд небо Луны на высоту двенадцати километров просто вырвался ослепительный, абсолютно беззвучный купол раскаленной добела плазмы, испаренного титана и перемолотой породы. Веер выброшенного ударом реголита расчертил вакуум идеально прямыми, не искаженными сопротивлением воздуха баллистическими лучами.

А через четыре секунды пришла сейсмическая волна.

Ударная судорога лунной коры со скоростью пять километров в секунду догнала идущий по плато ровер и с такой силой подбросила четырнадцатитонную бронированную машину вверх, что все шесть сетчатых титановых колес оторвались от грунта на полтора метра.

Внутри тесной двухместной рубки взвыли гироскопы стабилизации. Илью Воронова в кресле водителя жестко вдавило в пятиточечные ремни; падающий обратно на камни ровер чиркнул днищем по базальтовому выступу, выбив сноп искр, проскользил юзом тридцать метров по серой пыли и наконец выровнял ход.

— Мать твою… — сидящий справа в ложементе оператора Артур Вэнс судорожно вцепился побелевшими перчатками в рукояти дистанционного управления башенной турелью. Лицо инженера в тусклом изумрудном отсвете пассивных сонаров казалось вырезанным из мела. — Пять целых и четыре десятых балла по лунной шкале! Он вошел в склон кратера под углом тридцать градусов на скорости полтора километра в секунду!

Воронов не ответил. Он вел машину с полностью погашенными внешними прожекторами, ориентируясь только по зеленой сетке лазерного лидара и тепловому контуру остывающего впереди разлома.

В рубке было холодно — они не стали поднимать давление воздуха в кабине и не снимали шлемов, чтобы не тратить драгоценные запасы кислорода при выходе. Сквозь внутреннюю связь «Беркута» Илья слышал только собственное мерное дыхание да надсадный, прерывистый сип Вэнса.

— Что по орбите, инженер? — коротко бросил Воронов, огибая свежую воронку от крупного обломка кормового обтекателя, который еще светился в инфракрасном спектре тусклым малиновым углем.

Вэнс бросил взгляд на тактический экран, куда по открытому широкополосному каналу еще стекали предупреждения навигационных буев сектора:

— Орбитальная группировка T-Orbital пришла в движение. Два разведывательных спутника серии «Око» уже меняют наклонение орбиты, перенаправляя оптику высокого разрешения на квадрат «Аль-Бакри». С базы «Тихо-Сити» пять минут назад вышли четыре тяжелых транспортных дрона зачистки дивизиона «Эгида». Идут на бреющем над реголитом. Подлетное время — двадцать две минуты.

— Нам хватит десяти, — Воронов плавно сбросил тягу ходовых электромоторов, загоняя шестиколесную тушу ровера в густую, чернильно-черную тень под нависающим карнизом

западного вала кратера, где их не могли засечь оптические сканеры с орбиты. — Нам нужен только черный ящик из носового отсека с подлинной цифровой подписью Филипа Торна и один биометрический чип с ошейника груза. С этим пакетом мы уйдем за демаркационную линию к станции «Заря». Когда Москва и Пекин выложат эти кадры на экстренной сессии Совета Безопасности, твоя корпорация не отмоется даже за сто лет.

— Ты все еще веришь в Совет Безопасности, русский? — горько усмехнулся Вэнс, глядя сквозь бронированный триплекс вниз, в развороченную чашу кратера. — После того, что мы видели в манифесте Лебедева?

Воронов заглушил ходовой контур, оставив на холостом ходу только дежурный аккумулятор обогрева турели, и отстегнул ремни ложемента.

— Я верю в калибр семь-шестьдесят два и в то, что у твоего председателя Торна нет монополии на ядерное оружие, — майор проверил ход затвора своего кинетического карабина и кивнул на трофейный автоматический дробовик «Эгиды», лежащий на коленях инженера. — Выходим оба. В кратере жесткие электромагнитные наводки от разорванных топливных ячеек челнока — дистанционный канал турели со ста метров будет слеп. Прикроешь меня со второй линии. От кормы ровера дальше пятидесяти шагов не отходить.

Кормовой шлюз машины беззвучно стравил остатки технического газа и откинул аппарель на серый камень.

* * *

Кромка ударного кратера «Аль-Бакри» встретила их первозданной, давящей пустотой.

Над головой, в зените угольно-черного неба, висела огромная, закрытая бурыми спиралями ураганов и грязно-серыми пятнами континентального смога Земля. Ее холодный голубовато-пепельный свет ложился на изрытое метеоритами плато, превращая пейзаж в застывшую гравюру из слепяще-белых вершин и бездонных черных провалов, где температура в тени падала до минус ста пятидесяти трех градусов по Цельсию.

В трехстах метрах ниже по пологому осыпающемуся склону дымилось кладбище «Спецрейса 88».

Стометровый грузовой корабль при ударе о базальтовый выступ разломился пополам, как пересохший стручок. Кормовая двигательная секция с расколотыми магнитными захватами каретки застряла на верхнем уступе террасы, а основная цилиндрическая туша грузового трюма пропахала на дне кратера глубокую, в полкилометра длиной борозду и замерла у подножия центральной горки.

Металл внешней обшивки, раскаленный до тысячи градусов при сходе с направляющего рельса катапульты, теперь медленно остывал в вакууме, переливаясь на экранах тепловизоров ядовито-багровыми и фиолетовыми пятнами.

Воронов шел первым, мягко, по-кошачьи перекатываясь с пятки на носок и удерживая ствол карабина у плеча. Под рифлеными подошвами «Беркута» тончайшая, как тальк, лунная пыль взметалась вверх плоскими веерами и оседала обратно неестественно медленно, без малейшего завихрения. Вэнс двигался в пяти метрах позади, судорожно прижимая к груди тяжелый барабанный дробовик и ежесекундно оглядываясь по сторонам.

Чем ближе они спускались ко дну борозды, тем более сюрреалистичной становилась картина крушения.

Все дно кратера вокруг разорванного чрева баржи было усеяно сотнями десятикубовых титановых цистерн — точно таких же, какие полчаса назад на Земле под проливным дождем Чунцина вскрывал Артем Лебедев.

От чудовищного кинетического удара о скалы большинство баков смяло, как жестяные банки, или разорвало по сварным швам. Тысячи тонн мутного питательного гидрогеля, насыщенного тяжелыми изотопами, солями кремния и органической взвесью, выплеснулись наружу, на раскаленный металл и ледяной камень.

В условиях абсолютного вакуума эта биохимическая жижа повела себя страшно: в первые секунды после разгерметизации она бурно закипела от падения давления, вздулась гигантскими пенистыми пузырями, а затем мгновенно промерзла насквозь, застыв вокруг обломков корабля лесом уродливых, пористых желто-серых сталагмитов и закрученных ледяных арок высотой в человеческий рост.

И среди этого замерзшего желтого леса стояла абсолютная неподвижность.

Вэнс остановился у ближайшей расколотой надвое цистерны с сорванным клапаном «Vance-Tech 4» и медленно повел лучом нашлемного фонаря по пустому, покрытому инеем нутру бака. На дне валялись только оборванные, затвердевшие на морозе до состояния стекла силиконовые дыхательные трубки, вырванные с корнем из центрального коллектора.

— Где они?.. — голос Вэнса в закрытом радиоканале прозвучал тонко и надтреснуто. Инженер повернул шлем к Воронову. — Илья, в манифесте значилось три тысячи сто сорок единиц! Даже если сотню выбросило в космос при пробое обшивки на взлете… здесь расколото не меньше двухсот баков! При минус ста пятидесяти градусах в вакууме любая органика должна была превратиться в ледяные статуи прямо на месте падения! Где трупы?!

Воронов не смотрел в пустые цистерны.

Он стоял на одном колене у края застывшей лужи желтого льда и светил фонарем прямо себе под ноги.

— Под ноги смотри, инженер, — глухо произнес майор. — И сними дробовик с предохранителя.

Вэнс шагнул ближе, опуская луч своего прожектора на девственно-серый слой реголита между обломками.

И дыхание застряло у него в горле.

На мелкой каменной пыли, где каждый отпечаток сохранялся в первозданной четкости миллионы лет, не было следов рифленых подошв корпоративных ботинок.

От расколотых баков прочь — веером, в сторону темных нагромождений базальтовых глыб и расщелин на склонах кратера — тянулись сотни глубоких, четко отпечатанных следов.

Это были следы босых, чудовищно видоизмененных стоп. Пяточная кость вытянулась назад, как у хищного зверя, а спереди реголит глубоко, до самой каменной плиты, вспахивали три сросшиеся костяные фаланги, заканчивающиеся длинными серповидными когтями. Шаг между отпечатками составлял не меньше четырех метров — существа двигались по лунному грунту длинными, пружинистыми прыжками.

А рядом с цепочкой следов на сером камне чернела свежая борозда: одна из тварей волочила за собой перебитую при падении конечность, но из раны капала не кровь, которая тут же вскипела бы розовым снегом, а густая, черная, как гудрон, кремнийорганическая паста, даже не думавшая замерзать на космическом холоде.

— Они не задохнулись… — прошептал Вэнс, чувствуя, как волосы на затылке под подшлемником встают дыбом. — Господи боже, у них нет легких! Их клетки не содержат свободной воды, которая закипает в вакууме! Хитиновый панцирь держит внутреннее осмотическое давление, а энергию они берут из прямого анаэробного расщепления того чертового изотопного геля, которым их накачали на Земле!

— И они не разбежались в панике, — тихо добавил Воронов, медленно поднимаясь с колена и поводя стволом карабина вдоль черных зубцов скального амфитеатра вокруг них. — Посмотри на траекторию следов, Артур. Ни одной хаотичной петли. Они вышли из пробитых баков в первые три минуты после удара, разделились на четыре колонны и заняли господствующие высоты по периметру воронки.

Вэнс медленно поднял голову к темным уступам кратера.

— Зачем безмозглым мутантам занимать высоты в мертвом кратере?..

— Затем, что им нужен источник энергии и новые носители, — Воронов включил инфракрасный фильтр визора, но экран оставался девственно черным: температура поверхности панцирей «Фазы 3» идеально совпадала с температурой окружающего лунного камня. Идеальная тепловая маскировка. — Они чуют инфракрасное излучение наших скафандров и топливных ячеек ровера за километр. Мы не на место крушения приехали, инженер. Мы пришли к ним на кормежку. Назад к машине. Шагом, спина к спине. Не бежать!

Они сделали всего три шага вверх по осыпающемуся склону.

И в этот миг застывший лес желто-серых сталагмитов вокруг них ожил.

* * *

То, что Воронов и Вэнс приняли за уродливые наросты вспенившегося на морозе гидрогеля и обломки серого базальта, не было камнем.

В абсолютной, мертвой глухоте вакуума десятки сгорбленных, покрытых слоистым пепельно-серым хитином фигур одновременно отделились от скальных выступов и замерзших глыб.

Они не издавали ни рычания, ни визга — в безвоздушном пространстве нечему было переносить звук. Они просто сорвались с мест с ужасающей, синхронной стремительностью хищных насекомых, подброшенные вверх гипертрофированными мышцами ног в слабом лунном тяготении.

Первая тварь пролетела пятнадцать метров по пологой дуге над головой Вэнса и беззвучно приземлилась прямо перед ним на четыре конечности, взметнув тучу серой пыли.

Инженер успел разглядеть ее в упор в свете нашлемного фонаря: раздутая бочкообразная грудь без единого лоскутка человеческой кожи, намертво сросшийся с плечами костяной купол черепа без глаз и рта, и болтающаяся на черном жгуте шеи титановая бирка чунцинского карантина с номером партии. Вместо кистей рук из предплечий существа росли длинные трехпалые клешни из черного, твердого как карбид вольфрама рогового вещества.

От грудной клетки мутанта шел слабый электромагнитный импульс, от которого в наушниках Вэнса противно затрещала статика — твари переговаривались между собой на ультракоротких биоэлектрических частотах, координируя атаку.

Вэнс закричал и вслепую вдавил спуск автоматического дробовика.

Оружие дернулось в руках беззвучной серией вспышек. Заряд крупной вольфрамовой картечи в упор ударил мутанта в грудь. В обычной ситуации это разорвало бы любого зверя пополам, но здесь граненые дробины со звоном высекли сноп искр из наклонного хитинового панциря, лишь отбросив существо на пару метров назад и выбив из трещин густые капли черного геля.

И в ту же секунду вторая тень обрушилась на Вэнса сбоку, с вершины расколотой цистерны.

Двести килограммов спрессованной анаэробной плоти и кости врезались в американца, сбивая его с ног. Они покатились по острому базальтовому щебню. Удар о камень выбил дух из легких Вэнса; тварь навалилась сверху, прижимая его спиной к реголиту, и с ужасающей механической силой вогнала костяной серп левой лапы точно в многослойное кевларовое сочленение его правого наплечника.

Раздался сухой, передавшийся прямо в кости треск ломающегося композита.

На визоре Вэнса мгновенно вспыхнула багровая надпись: «ВНИМАНИЕ! РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ ВНЕШНЕГО КОНТУРА! ПАДЕНИЕ ДАВЛЕНИЯ: 0,2 АТМ/СЕК!». Из пробоины на плече ударила тонкая белая струйка замерзающего воздуха, а слепая костяная маска мутанта склонилась к самому стеклу его шлема, занося вторую клешню для прямого удара в лицевой щиток.

Вэнс зажмурился, чувствуя, как ледяной холод космоса обжигает пробитое плечо.

Удар не дошел двух сантиметров.

Тяжелая серая тень майора Воронова выросла за спиной мутанта в два гигантских прыжка на форсаже ранцевых двигателей.

Илья не стал тратить патроны на бронированный панцирь спины. Левой рукой в бронированной перчатке он схватил тварь за верхний костяной гребень черепа, рывком запрокинул ее голову назад, обнажая единственное уязвимое место — пульсирующий сгусток силиконовых трубок и черных узлов на месте бывшего горла, — и в упор вогнал туда раскаленный пламегаситель карабина.

Три выстрела бронебойными пулями 5,56 слились в один сплошной толчок отдачи.

Внутреннее давление вскипевшего от пороховых газов гидрогеля разорвало черепную коробку мутанта изнутри. Ошметки серого хитина и замерзающей черной студенистой массы брызнули во все стороны, заляпав визор Вэнса. Обезглавленная туша конвульсивно свела лапы и завалилась набок.

Воронов одним рывком за грузовую петлю на загривке поставил полузадохнувшегося инженера на ноги, левой рукой на ходу выхватил из подсумка тюбик аварийного полимерного герметика и с силой размазал быстротвердеющую серую пену по пробоине на правом плече Вэнса.

Свист уходящего воздуха в шлеме американца тут же стих — пена схватилась на морозе каменной коркой.

— Цел?! — рявкнул Воронов по ближнему каналу, одновременно разворачиваясь и одной короткой очередью от плеча пробивая грудной клапан третьей твари, прыгнувшей на них с обломка крыла челнока.

— К-костюм держит! — Вэнс судорожно хватал ртом остатки кислородной смеси; правая рука онемела от холода и удара, но левой он все еще судорожно прижимал к бедру рукоять дробовика. — Микротрещина запечатана! Господи, Илья, посмотри на склон!..

Воронов поднял взгляд.

Стая больше не пряталась. Со всех сторон — из-за развороченных корпусов цистерн, из глубоких теней базальтовых террас, с остывающего хребта самого челнока — к ним беззвучно, широким сжимающимся кольцом катилась серая волна.

Их было не меньше двух сотен.

И они не бежали беспорядочной толпой. В наушниках обоих людей стоял сплошной, сводящий с ума ультразвуковой треск и гул статических разрядов: стая действовала как единый многоклеточный организм, управляемый общим биоэлектрическим полем. Одни особи заходили веером с флангов, отсекая людей от спасительной тени западного вала, где стоял ровер, а другие длинными десятиметровыми прыжками неслись прямо в лоб, прикрывая головы массивными костяными наростами предплечий, как штурмовыми щитами.

До кормовой аппарели «Козерога-6» вверх по крутому, осыпающемуся под ногами склону было сто двадцать метров. В магазине карабина Воронова оставалось двенадцать патронов.

— Илья, мы не добежим по реголиту! — выкрикнул Вэнс, пятясь спиной вверх по склону и стреляя от бедра из дробовика по ближайшим теням. — Они прыгают втрое быстрее нас!

Воронов оценил дистанцию за долю секунды.

В тридцати метрах позади наступающей цепи мутантов, в самом центре борозды падения, лежала целая, но вздувшаяся от внутреннего перегрева десятикубовая цистерна, вокруг которой на камнях серебрилась россыпь высыпавшихся из разбитого двигательного отсека челнока гранул твердого ракетного окислителя и алюминиевой пудры.

— К машине, инженер! — скомандовал Воронов, срывая с набедренного зажима тяжелую шашку армейской термитно-магниевой гранаты большой мощности. — Беги к турели на полном сбросе балласта и заводи ходовые! Не вздумай оборачиваться на вспышку — выжжет сетчатку через фильтр!

— А ты?!

— Бегом, я сказал!

Воронов толкнул Вэнса в спину вверх по склону, а сам резко развернулся лицом к набегающей лавине, выдернул предохранительную чеку и длинным, расчетливым навесным броском послал тяжелый цилиндр гранаты прямо под днище вздувшейся цистерны, в самую гущу рассыпанного ракетного окислителя.

Две передовые твари уже взмыли в воздух в пяти метрах перед майором, раскинув когтистые лапы для последнего броска.

Воронов вскинул карабин, двумя последними выстрелами в упор разнес шейные узлы обоим летящим в него мутантам, уклонился от падающих по инерции тяжелых туш и, включив наспинные маневровые двигатели на аварийный трехкратный форсаж, длинным двадцатиметровым скачком выбросил себя вверх по склону кратера.

За его спиной сработал запал термитной шашки.

Магниевая вспышка с температурой в три тысячи градусов мгновенно воспламенила тонну рассыпанного ракетного окислителя и прожгла тонкую титановую стенку перегретой цистерны.

Дно кратера «Аль-Бакри» беззвучно превратилось в жерло действующего вулкана.

Ослепительный бело-фиолетовый купол химического огня, не нуждающегося во внешнем кислороде, взметнулся на сотню метров вверх, заливая угольно-черные скалы нестерпимым, режущим даже сквозь максимальную поляризацию шлема сиянием. Волна жидкого термита, горящего перхлората и раскаленных титановых осколков ударила во фланг и тыл наступающей стаи.

Десятки тварей в эпицентре взрыва испарились или вспыхнули живыми факелами — их пропитанный тяжелыми солями панцирь горел в струях окислителя ярким зеленоватым пламенем. Но страшнее огня для роя оказался чудовищный электромагнитный импульс детонации: общая биоэлектрическая сеть стаи на десять секунд захлебнулась болевым шоком сгорающих заживо особей.

Гончие, уже настигавшие бегущего по склону Вэнса, словно налетели на невидимую стену — они закрутились на месте в безмолвной судороге, слепо полосуя когтями пустоту и друг друга.

Этого хватило.

Воронов на последнем издыхании азотных сопел влетел на гребень террасы, схватил споткнувшегося у самой аппарели Вэнса за воротник и буквально швырнул его внутрь кормового шлюза «Козерога-6».

Майор упал на стальной пол следом и ударил кулаком по грибку аварийного закрытия люка.

Гидравлика с визгом захлопнула бронированную створку ровно в ту долю секунды, когда снаружи в многослойное бронестекло кормового триплекса с глухим, сотрясшим всю четырнадцатитонную машину ударом врезалась первая опомнившаяся от шока тварь.

Черная трехпалая лапа с костяными серпами со страшным скрежетом прочертила по кварцевому стеклу в десяти сантиметрах от лица Воронова, оставляя глубокую матовую борозду. За ней на крышу и капот ровера с глухим градом посыпались еще десятки тяжелых тел, пытаясь когтями вскрыть титановую обшивку и добраться до тепла аккумуляторов.

— Вэнс! Смети их с брони! — крикнул Воронов, в один прыжок перелетая через переборку в водительское кресло и до упора вдавливая педаль форсажа электромоторов.

Артур Вэнс, забыв про онемевшее правое плечо, схватился за гашетку турели и дал длинную, круговую очередь из спаренного крупнокалиберного пулемета калибра 12,7 миллиметра.

Глухая, частая дрожь тяжелых очередей пошла по всему корпусу машины. Трассирующие бронебойно-зажигательные пули в упор косили облепивших склон мутантов, разрывая хитиновые тела в черные ледяные клочья и сбрасывая их под шестиколесные катки.

Ровер взревел электроприводами, раздавил под передним мостом двух вцепившихся в бампер гончих и, выбрасывая из-под сетчатых колес фонтаны серого щебня, рванул вверх по перевалу — прочь из пылающего кратера на широкое базальтовое плато Моря Спокойствия.

Они вырвались на ровный участок трассы и уже набирали максимальные девяносто километров в час в сторону восточной демаркационной линии, когда Вэнс вдруг перестал стрелять.

Инженер медленно отпустил гашетку пулемета и уставился на радар верхнего полушария, где только что с противным, прерывистым писком зажглась яркая алая метка прицельного захвата.

— Илья… — мертвым голосом прошептал Вэнс, поднимая взгляд к черному небу прямо над их головами. — Дроны зачистки с «Тихо-Сити» только что легли в обратный дрейф. Они уходят из квадрата.

— С чего вдруг? — Воронов резко бросил взгляд на верхний сканер.

Вэнс сглотнул. В черной бездне космоса, на высоте трехсот километров над Морем Спокойствия, коротко и холодно блеснула крошечная рубиновая звездочка тормозного импульса орбитальной боевой платформы корпорации «Цербер-3».

— Потому что Торн не собирается ловить нас дронами, — выдохнул Вэнс, глядя на стремительно растущие цифры баллистического вычислителя. — Платформа «Цербер» только что открыла бомболюк. Они сбросили кинетический стержень из чистого вольфрама. Шесть тонн, скорость входа — одиннадцать километров в секунду. И точка удара — прямо по курсу нашего ровера. До контакта с поверхностью девяносто секунд.

Глава 6

ГЛАВА 6. ЛОГИКА ХИРУРГА

Высокая околоземная орбита, 420 километров над терминатором. Штаб-квартира корпорации T-Orbital, станция «Апекс». То же время

Зал заседаний совета директоров корпорации T-Orbital парил в абсолютной тишине на высоте четырехсот двадцати километров над ночной стороной Земли.

Через вогнутый панорамный купол из трехслойного монокристаллического кварца планета внизу казалась тяжелобольной, воспаленной живой клеткой под линзой электронного микроскопа. Там больше не было чистой лазури океанов со старых фотографий двадцатого века. Континенты утопали в густой, маслянистой пелене буро-серого промышленного смога; над экваториальной полосой Индийского и Тихого океанов закручивались гигантские, подсвеченные багровыми сухими грозами спирали супертайфунов, а вдоль побережья Азии и Северной Америки, словно гнойники на теле умирающего исполина, тлели желтые пятна стомиллионных агломераций. И только высоко в горах Швейцарии, Новой Зеландии и Скалистых гор холодным бриллиантовым светом сияли герметичные купола чистых корпоративных анклавов.

Внутри зала пахло озоном, натуральным кедром и тонким, едва уловимым ароматом живых белых орхидей, цветущих в нишах климатического контроля. Вращение внешнего кольца станции «Апекс» создавало здесь мягкую, комфортную гравитацию в ноль целых восемь десятых земной — ровно столько, чтобы не нагружать сосуды стареющих полубогов, управляющих Солнечной системой.

За овальным столом из цельного куска отполированного до зеркального блеска черного исландского обсидиана сидели семеро. Никаких бумажных папок или пластиковых планшетов — в воздухе перед каждым мерцали трехмерные голографические колонки биржевых котировок гелия-3, графики добычи редкоземельных лантаноидов в поясе астероидов и прямая телеметрия с лунного сектора «Браво-4».

Председатель земного директората T-Orbital Филип Торн стоял во главе стола, положив сухие, узловатые ладони на холодный камень.

Ему было шестьдесят пять лет, но его лицо, обтянутое безупречно гладкой, лишенной пор биосинтетической кожей последнего поколения, казалось вневозрастной маской античного сенатора. Лишь глаза — выцветшие, неподвижные, цвета жидкого азота, с тонким серебристым ободком нейроинтерфейса вокруг зрачков — выдавали человека, который давно перестал измерять время человеческими жизнями.

Торн медленно провел указательным пальцем по сенсорной кромке обсидиана.

Голографическая карта Моря Спокойствия над центром стола приблизилась, разворачиваясь в инфракрасном спектре. На дне ударного кратера «Аль-Бакри» медленно угасало ярко-белое пятно термитного взрыва, устроенного майором Вороновым, а от западного вала воронки к восточной демаркационной линии уходила одинокая светящаяся нить шестиколесного ровера.

— Спецрейс восемьдесят восемь потерян, господа, — голос Торна прозвучал в идеальной акустике зала ровно и сухо, словно он зачитывал сводку о списании амортизированного бурового оборудования. — Разгонный рельс масс-драйвера в секторе «Браво-четыре» выведен из строя на участке от шестого по двенадцатый пилон. Груз третьей фазы в количестве трех тысяч ста сорока единиц рассеян по нейтральному квадрату Моря Спокойствия.

По правую руку от председателя Маргарет Вэнс-Кроули, глава финансового и юридического сектора корпорации — шестидесятилетняя женщина в строгом платиновом костюме, — судорожно коснулась золотого нейроразъема на виске. Пальцы ее заметно дрожали.

— Филип, ты называешь это «потерей груза»?! — ее голос сорвался на приглушенный, полный паники шепот. Она обвела взглядом бледные лица остальных членов директората.

— Это не задержка квартального отчета! Десять минут назад наш региональный директор в Чунцине Маркус Вейланд доложил, что специальный уполномоченный Евразийского комитета Лебедев лично вскрыл четырнадцатую цистерну на вокзале и успел передать спектральный анализ слизи по закрытому военному каналу на Луну! А на самой Луне оперативник российского ГРУ и наш собственный главный инспектор надежности Вэнс скачали полный теневой буфер диспетчерской!

— Инспектор Вэнс всегда отличался излишней сентиментальностью для инженера своего уровня, — невозмутимо заметил Торн. — Квота в цюрихском куполе для его матери обеспечила нам три года его молчания, но, по всей видимости, лимит его лояльности исчерпан.

— Да плевать мне на Вэнса! — Маргарет вскочила с кресла, опершись побелевшими костяшками пальцев о зеркальную поверхность стола. — Если этот русский майор дотащит хотя бы один неповрежденный биочип из кратера «Аль-Бакри» до станции «Заря» или китайского сектора, через три часа кадры из наших цистерн будут транслироваться на экстренной сессии Совета Безопасности ООН! Москва, Пекин и остатки Евросоюза докажут, что «серая сыпь» в трущобах — это наш лабораторный прионный штамм! Они докажут, что мы четыре года перерабатывали живых людей по гуманитарным квотам в анаэробных мутантов! Наши лицензии аннулируют, счета заморозят, а проект колонизации Марса заблокируют международным военным трибуналом! Наши акции превратятся в пыль за сорок минут!

Торн медленно повернул голову к главе финансового сектора. В его ледяных глазах не дрогнула ни одна жилка.

— Совета Безопасности больше не существует, Маргарет, — тихо и раздельно произнес он. — Как не существует ни международного права, ни твоих биржевых котировок. Есть лишь острая нехватка белка, выгорающий кислород и семь миллиардов задыхающихся ртов внизу, которые очень хотят жить, но не способны заплатить цену за выживание.

* * *

Председатель нажал скрытую клавишу на подлокотнике своего кресла.

Биржевые сводки над столом мгновенно погасли. В центре зала с негромким гулом материализовалась ростовая голографическая проекция командующего внутренними вооруженными силами и дивизионом «Эгида» генерала Говарда Блэка — грузного мужчины со шрамом через левую бровь, одетого в черный полевой китель без государственных шевронов.

— Генерал Блэк, — ровно произнес Торн. — Доложите статус перехвата в секторе «Аль-Бакри».

— Личности диверсантов подтверждены по биометрии шлюза, господин председатель, — отчеканил генерал. — Кадровый офицер спецразведки ГРУ майор Илья Воронов, позывной «Гранит», и старший инспектор Артур Вэнс. В их распоряжении ровер «Козерог-шесть» с полным дампом квантового узла катапульты. Они ушли из кратера три минуты назад и движутся на восток со скоростью сто десять километров в час. Нашим дронам зачистки с базы «Тихо-Сити» не успеть перехватить их до пересечения демаркационной линии станции «Заря».

— Значит, мы не будем использовать дроны, — Торн перевел взгляд на темный шар Земли за окном. — Дипломатическая фаза нашего присутствия на планете завершена, генерал. Мы не можем позволить этому роверу дойти до русских модулей. Выведите орбитальную боевую платформу «Цербер-три» на огневой рубеж над Морем Спокойствия. Нанесите прямой кинетический удар вольфрамовыми стержнями по квадрату «Аль-Бакри» и трассе отхода ровера.

За обсидиановым столом пронесся глухой ропот. Даже генерал Блэк на голограмме на секунду изменился в лице.

— Сэр… — осторожно подал голос военный. — Применение шеститонных кинетических болванок по нейтральному сектору вызовет сейсмический каскад силой до шести баллов. Это гарантированно обрушит внешние купола сопредельных научно-исследовательских стан-

ций России и Китая. Погибнут сотни гражданских специалистов. Москва и Пекин расценят это как прямое объявление термоядерной войны.

— Война идет уже тридцать лет, генерал, — глаза Торна блеснули холодным голубоватым светом внутренних нейроимплантов. — Просто до сегодняшнего вечера мы вели ее через медицинские квоты и санитарные эшелоны. Стереть кратер «Аль-Бакри» с лица Луны. Выжечь всю рассыпанную биомассу третьей фазы и обоих свидетелей до кристаллического фундамента.

Торн сделал короткую паузу и повернулся к куратору азиатского сектора:

— А на Земле передайте Маркусу Вейланду в Чунцин: специальный уполномоченный Лебедев и его конвой не должны увидеть рассвет. Объявите в карантинном секторе девять прорыв штамма высшей категории угрозы. Поднимите эскадрилью тяжелых конвертопланов и выжгите нижние ярусы до бетона белым фосфором и термитом. Вместе с вокзалом и бараками. И одновременно начинайте предстартовую прокачку атмосферных кассет на нижнем кольце «Апекса». Мы переносим запуск протокола «Гайя-Ноль» с декабря на сегодня. Сброс аэрозоля второй фазы над Евразией и Америкой — через три часа.

— Так точно, господин председатель. Команда на «Цербер-три» передана, — голограмма генерала Блэка погасла.

Остальные пятеро директоров молча, с мертвенно-бледными лицами начали отключать свои терминалы и подниматься из-за стола — каждый спешил в свой сектор управления, чтобы подготовить переход корпоративных бункеров на автономный режим перед началом планетарного шторма.

В зале остались только двое: Филип Торн и неподвижно сидящая в кресле Маргарет.

Когда тяжелые звуконепроницаемые двери шлюза сомкнулись за последним членом совета, глава финансового сектора закрыла лицо ладонями. Ее плечи под дорогой платиновой тканью мелко, беззвучно затряслись.

— Семь миллиардов человек, Филип… — глухо прошептала она сквозь пальцы. — Ты ведь знаешь расчеты биологов по прямому стратосферному распылению без предварительной подготовки в гидрогеле. Когда аэрозоль второй фазы осядет с дождями над континентами, болевой и цитокиновый шок переживет меньше двенадцати процентов населения Земли. Пять миллиардов умрут в муках за первые двое суток. А те восемьсот миллионов, что выживут… у них не останется ни речи, ни памяти, ни искусства, ни сострадания. Только коллективный биоэлектрический инстинкт роя и способность грызть камень в вакууме. Нас проклянут в веках, Филип. Мы войдем в историю как величайшие чудовища со времен сотворения мира.

Торн не ответил сразу.

Он медленно подошел к краю обсидианового стола, остановился рядом с плачущей женщиной и взмахом сухой ладони вызвал в воздух один-единственный файл из закрытого архива Совета Старейшин. Папка не имела коммерческих кодов — только черный гриф: «ПРОТОКОЛ ГАЙЯ-НОЛЬ. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ АКТУАРНЫЙ РАСЧЕТ БИОСФЕРЫ».

Над черным камнем развернулась трехмерная математическая модель земных океанов, расчерченная багровыми векторами глубоководных течений.

— Проклинать нас будет некому, Маргарет, если мы сегодня дрогнем и позволим этому русскому майору остановить нас, — голос Торна вдруг утратил металлическую холодность руководителя; теперь в нем звучала бесконечная, ледяная усталость старого хирурга, стоящего над операционным столом безнадежного больного. — Посмотри на кривую гибели цианобактерий и фитопланктона в Южном и Тихом океанах. Ты ведь так и не решилась дочитать полный доклад наших глубоководных зондов за прошлый вторник?

Маргарет медленно отняла руки от заплаканного лица и подняла взгляд на голограмму.

На графике жирная алая линия выработки планетарного кислорода после десятков лет медленного сползания вдруг срывалась отвесно вниз, упираясь в абсолютный, мертвый математический ноль на отметке «Ноябрь 2089 года».

* * *

— Реликтовые метановые гидраты на континентальном шельфе Восточной Сибири и Аляски вскрылись окончательно две недели назад, — тихо и совершенно спокойно продолжил Торн, глядя, как синие океаны на голографическом глобусе стремительно окрашиваются в цвет гноящейся венозной крови. — Температурный порог дегазации воды пройден. Парниковый каскад больше нельзя остановить ни закрытием всех заводов Земли, ни миллионами атмосферных фильтров, о которых мечтает чиновник Лебедев в своем Чунцине. Это простая неорганическая химия, Маргарет. Через одиннадцать лет средняя температура на экваторе достигнет шестидесяти восьми градусов по Цельсию. Мировой океан умрет и превратится в кипящий сероводородный бульон, отравляющий тропосферу. Доля свободного кислорода в воздухе Земли упадет с двадцати одного до восьми процентов.

Торн выключил график и подошел вплотную к панорамному кварцевому куполу, глядя сверху вниз на подернутую бурой дымкой ночную планету.

— Через двенадцать лет обычный человек — наш гордый, прекрасный Homo Sapiens со всей его поэзией, симфониями, гуманизмом, декларациями прав и невероятно хрупкими альвеолами легких — просто задохнется в собственной колыбели, — произнес он, и его отражение в бронестекле наложилось на огни горящей Азии. — Задохнется до последнего младенца в правительственном бункере. До последнего солдата. Правительства в Москве, Пекине, Женеве и Вашингтоне знают эти цифры уже шесть лет. У них лежат те же самые выкладки Академии наук. Но политики — трусы. Они боятся сказать своим народам, что игра окончена, и продолжают кормить толпу сказками о «зеленой рекультивации» и строительстве десятка герметичных куполов на Марсе, в которых при нынешних темпах терраформации поместится от силы сто тысяч избранных богачей, прежде чем рухнет метрополия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.